

Алла Дубровская

ЕГИПЕТСКИЙ ДОМ

Алла Дубровская
ЕГИПЕТСКИЙ ДОМ
Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49867746

Египетский дом:

ISBN 978-5-907189-53-9

Аннотация

Книгу избранной прозы Аллы Дубровской составили повести, рассказы и воспоминания, в разное время опубликованные в журналах и альманахах России и США. Это лирическая проза, погружающая читателя в жизнь Ленинграда начала 80-х годов, и в жизнь «города Яблока» начала XXI столетия. Независимо от среды бытования, герои Дубровской живут общими проблемами и поисками счастья. Это книга о радостях и печалях, о приобретениях и потерях, о надеждах и разочарованиях, «о скитаниях вечных и о земле». Книга будет интересна всем, кто ценит правду и подлинность жизни.

Содержание

Повести	4
Египетский дом	8
Девушка, реклама, интернет	122
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Алла Дубровская
Египетский дом

Повести

Египетский дом

– День начинается с говна. Отойди–ка! – Славик натянул промасленные брезентовые рукавицы и, взяв в руки ломик, не спеша откинул крышку люка, откуда потянуло парком и зловонием.

– Так это к деньгам, – с готовностью откликнулась Женечка, наморщив носик и отступив на пару шагов от люка.

В окнах первого этажа показались любопытные лица жильцов. Грязная марля колыхнулась и обвисла на поспешно захлопнутой форточке.

На расчищенном пяточке заваленного снегом ленинградского двора–колодца столпились люди в драных телогрейках. Неторопливо переговариваясь, они время от времени заглядывали в зловонный люк.

– У кого тросик–то, мужики? – Славик снял рукавицу и смачно высморкался, зажав нос двумя пальцами. Зеленая сопля, описав короткую дугу, повисла на заледенелом сугробе.

Женечку передернуло от отвращения, и она поскорее перевела взгляд на синицу, колулавшую клювом белый сверток в вывешенной кем–то за окно авоське. С утра подмораживало. Югославские сапоги на поролоновой прокладке не держали тепла. К тому же на левом разошелся шов вниз, у самого мизинца, угрожая промоканием при первой же отте-

пели. Пытаясь согреться, Женечка начала постукивать носком одной ноги о пятку другой.

– Ну че переминаешься, замерзла? – добродушное лицо Ваньки–Бояна розовело от морозца под потертой ушанкой, сдвинутой на затылок. – Тока–тока подморозило, а ты уже топчешься.

– Да холодно тут без толку стоять. Сапоги–то у меня импортные. На нашу погоду не рассчитанные.

– А ты валенки достань, – Ваньке явно хотелось потрепаться с молоденькой техником–смотрителем. – Или ноги газетой обертывай, шоб тепло не уходило.

Привыкшие к беззлобной болтовне Ваньки, прозванно-го Боя-ном за готовность трепаться по любому поводу, водопроводчики начали переглядываться и подмигивать друг другу. Почувствовав поддержку зала, тот перешел к описанию ужасов холодных зим в его уральской деревне.

– А че, мужики, хотите верьте, хотите нет, но у нас, бывало, утром по нужде пойдешь, ну и эта... в снег сплунешь, дык плевок на лету замерзает. А тут чуть–чуть морозом прихватило – и девушки красивые сразу жаловаться начали, видать, никто их не греет. Иди сюда, техник, я тебя согрею, – Ванька попытался обнять Женечку полами распахнутого ватника. Та ловко увернулась.

– Иван, не дури, – строго сказал Славик и под одобрительный гогот мужиков добавил: – Вон твоя горячая женщина идет.

Из подворотни в расстегнутой на груди телогрейке, быстро перебирая короткими кривоватыми ногами в неизменных резиновых сапогах, выкатилась Марьяша. Пряди ее седых волос выбивались из-под синего теплого платка, завязанного под подбородком. Подол юбки неопределенного цвета прикрывал ярко-голубые рейтузы. Ни с кем не поздоровавшись, она деловито уставилась в открытый люк:

– Ну че, дворники, опять палок в канализацию накидали, а нам чистить?

– Палки знаешь куда кидают? – не стал развивать тему Славик. – Тросик–то чего не принесла?

– Дык, он у Немца еще с той недели, – виновато захлопала глазами Марьяша.

– Тю–ю–ю, – свистнул Ванька, – плакал наш тросик. Он его давно, небось, загнал и пропил. А где сам–то? Эй, смотритель, ты Госса сегодня не видала?

Где–то с год назад, таким же холодным декабрьским утром Женечка Игнатова вышла из станции метро «Чернышевская» и медленно направилась в сторону набережной. Медленно, потому что, в вечном страхе опоздать, всегда приезжала загодя, чтобы потом маяться, дожидаясь положенного часа встречи. В воздухе висела гарь вперемешку со странным запахом сладкой ванили, просачивающимся сквозь закрытые окна хлебопекарного завода.

Толпа обступала и влекла за собой неспешащую Женечку. Какие–то люди задевали ее на ходу и, не извинившись,

торопливо удалялись. Она вдруг обратила внимание на то, как похожи были со спины эти стремительные фигуры с дипломатами в руках и в каких-то одинакового покроя темных пальто. Основной поток заворачивал на улицу Петра Лаврова и исчезал в промозглom воздухе. Ей нужна была улица Каляева, до которой оставалось пересечь Чайковского с пирожковой «Колобок» на углу и миновать длинную очередь за туалетной бумагой, выстроившуюся в магазин хозтоваров. Дойдя до следующего перекрестка, Женечка остановилась.

– Ну что я так волнуюсь? – говорила она себе, пытаюсь успокоиться. – Меня взяли на работу. Может, дадут какую-никакую комнатку. И нечего тут стоять. Вот улица Каляева, вот тот самый дом. Иди.

И она пошла. Сначала через вонючую подворотню, тускло освещенную одинокой лампочкой, потом наискосок, через двор-колодец, к обитой железом двери с табличкой «Жилищно-эксплуатационная контора», потом – через прокуренный коридор в большую полуподвальную комнату, заполненную людьми.

Потоптавшись на месте, Женечка решила, что главная тут – разбитная бабенка, сидящая за письменным столом с телефоном.

– Вам, девушка, чего? – обратила на нее внимание та.

Но тут чье-то массивное тело в спецовке, перетянутой солдатским ремнем, оттеснило Женечку от стола:

– Я ваше пухто забирать не буду. Так Ольге и скажи. Пусть

три талона дает, – заскорузлая рука потеряла в характерном жесте два грязных пальца.

– Коль, подожди, – быстро разобралась в ситуации разбитая бабенка. – Сейчас я ее позову. – Ольга Павловна! К вам насчет талонов пришли, – крикнула она куда-то в сторону.

Появившаяся блондинка торопливо увела мусорщика из комнаты.

– А меня к вам из треста направили. На работу, – осмелела наконец Женечка.

– Во! – то ли обрадовалась, то ли удивилась бабенка. – А кем же, если не секрет?

– Техником–смотрителем.

И, выдержав на себе короткий испытующий взгляд, добавила:

– А кто тут у вас начальник?

Мелькнувшая блондинка, оказавшаяся начальницей, не проявила особой радости, увидев нового работника.

– У вас, девушка, какое образование? – довольно жестко спросила она.

– Библиотечный техникум, – смутилась Женечка.

– А я просила прислать молодого специалиста со строительным образованием. Разницу понимаете? Вы с людьми работать умеете? Наряды закрывать знаете как? У нас тут дворники, водопроводчики. Вот кадра видали? Я только что треху из своего кармана в его перелобжила. – Ольга Павловна для убедительности потрянула связкой ключей в руке с ярким

маникюром. – А иначе как? Он мусором Каляева завалит, а мне штрафы платить. Это вам не книжки читать. Вы где раньше работали–то?

– Я два года отработала в Петропавловской крепости, – вдруг решила постоять за себя Женечка. – Организовывала экскурсии. С людьми работала. Тоже, знаете, разные попадались.

Тут бабенка за столом с телефоном покатила со смеху:

– Во! Так мы ее из крепостных девушек сразу на панель пошлем.

– Куда–куда пошлете???

– А вы как думали? – оценила шутку Ольга Павловна. – Получите свой участок. Будете каждый день обходить. Туда–сюда. Шоб поребрики были отбиты. Сосули огорожены. Мусор... Кольку–мусорщика вы видали. За дворниками следить надо, шоб приминали мусор в баках, выносили пищевые отходы. Потом по квартирам пойдете жильцов слушать, жалобы собирать. Скучать не дадим.

Инструктаж был прерван появлением в дверях тетки с гирляндой рулонов туалетной бумаги на шее.

– Девки, – зашла она в радостном возбуждении, – глянь, че я в хозяйственном оторвала. Давали по десять в руки, а мне Зойка по благу еще десяток навернула. У вас, говорит, там жоп в конторе много, а у нас уборная засорилась. Ольга Павловна, пошли к ним мужиков, как с обеда придут. Пусть прочистят, а то неудобно перед хорошими людьми.

Рулоны туалетной бумаги тут же поделили на троих. Разбитная бабенка, назвавшаяся Лелей, протянула один Женечке:

– Только в уборной не оставляй.

– А куда же я его дену?

– Да хоть в письменный стол.

Так рулон туалетной бумаги оказался первым предметом на отведенном Женечке рабочем месте.

Скучать ей и вправду не пришлось. В тот же день ее посадили принимать заявки жильцов. Поток жалоб захлестывал жилищную контору. Картина всенародного бедствия предстала перед глазами неопытного техника–смотрителя. Страдали все: нижние этажи – от разливов фекалий, верхние – от прохудившейся кровли. Смывные бачки и батареи текли, а краны не закрывались независимо от расположения квартир на лестничной площадке. Еще были неосвещенные дворы и загаженные парадные. Кому–то было холодно, а кто–то не мог вынести жара раскаленных батарей. Дворники на Женечкином участке наотрез отказывались «рвать промежности» и утапывать мусор в баках. Крысы шуrowали в пищевых отходах. Хуже всего обстояло дело с водопроводчиками. Они явно игнорировали заявки, написанные в журнале ее крупным, отчетливым почерком. Голова Женечки раскалывалась от табачного дыма и мата, сопровождавшего любую попытку изъясниться на русском языке. В начале второй недели чаша ее терпения переполнилась:

– Безобразие! – вдруг крикнула она. Люди платят квартплату, отпрашиваются с работы и ждут, когда вы соизволите явиться и поменять прокладку в бачке. А вода, между прочим, течет, и денежки народные утекают.

Дальше голос ее сорвался:

– А вам, как я посмотрю, на все наплевать! И прекратите тут материться! Здесь сидят женщины. Научитесь нас уважать!

Такая бурная реакция Цыпочки, как прозвали ее между собой водопроводчики, вызвала кратковременное замешательство. От удивления бригадир Каляныч забыл прикурить беломор, прилипший к нижней губе:

– Хули ты пи^{*}шь–то? – озадаченно спросил он. – Мы и не ругаемся вовсе.

Скорее всего, это был переломный момент в жизни Женечки Игнатовой. Она поняла, что надо говорить на языке того народа, с которым живешь.

Одно открытие следовало за другим. Через какое–то время Женечка обратила внимание на появление в день зарплаты оживленных дворников перед столом Лели. О чем–то пошептавшись, они поспешно удалялись в кабинет начальницы. Дворники ее участка, расписываясь в ведомости, недовольно бурчали и угрюмо расходились. Спросить, в чем дело, Женечка не решалась, но догадывалась, что речь идет о насущном, а значит, о деньгах. В библиотечном техникуме науке закрывания нарядов не обучали, а в ЖЭКе ей никто

толком ничего не объяснял. Пришлось разбираться самой. Часами она вертела ручку арифмометра, умножая тарифы на квадратные метры и вписывая цифры в отведенные графы на зеленой бумаге. Наряды, подписанные Евгенией Игнатовой, всегда принимались бухгалтерией треста без исправлений и замечаний. Так в чем же дело? Постепенно подозрения перешли в уверенность. Она поняла, что и как можно вписывать в графы на зеленой бумаге и почему дворники бегают к начальнице. Ожесточившееся чувство справедливости не позволяло ей делать то же самое. Но вскоре ожесточение улеглось, освободив место удивлению. Удивление то отступало, то накатывало, как морской прилив, выбрасывая на берег тяжелые камни разочарования.

Поначалу ее удивляло отсутствие в работниках ЖЭКа отзывчивости к людским бедам.

– Да не принимай ты так все близко к сердцу, – с материнской заботой советовала ей Леля.

В ее устах это звучало как призыв не поддаваться на провокации. Но провокации валились на нового техника–смотрителя в виде бесконечных куч дерьма в парадных и подворотнях, протечек с верхних этажей на нижние и прочих коммунальных гадостей, в которых приходилось разбираться. Оказалось, что квартироръемщики не такие уж и жертвы жилищно–коммунальной системы. Молодость и наивность не позволили Женечке продвинуться к более значительным обобщениям в своих грустных открытиях.

Удивлялась она и тому, как часто ошибалась в людях. Вот, к примеру, Ольга Павловна. Блондинка с роскошными волосами, раскиданными по плечам. Красивая. Особенно руки в золотых кольцах на пальцах с маникюром. Правда, немного полновата. Тонкие каблуки парадных туфель начальницы прогибались под ее весом. А у Женечки фигурка была слабенькая, без извилин, да и ногти она отучилась грызть только лет в пятнадцать. Проработав первую зиму в жилконторе, она уже без былого восхищения рассматривала обновки своей начальницы, зная, откуда берутся деньги на их приобретение. «И ведь такая молодая», – думала Женечка. Как будто возраст был преградой для всевозможных проявлений подлости.

Или вот Рудольф Госс, а проще Рудик по кличке Немец, ей поначалу не понравился. Сказалась ненависть к фашистам, воспетая отечественным кинематографом. Позднее выяснилось, что в безобидном алкоголике не было и следа враждебности к жидам и прочим национальным меньшинствам, презираемым работниками жилищного хозяйства. Рудик не отказывался от заявок жильцов, если был в состоянии. Состояние же это напрямую зависело от времени дня. Относительная работоспособность появлялась у него где-то после одиннадцати утра. К двум она заметно падала, а к четырем и вовсе сводилась на нет. Доступная близость ликерно-водочного магазина сыграла пагубную роль в его жизни.

Будить Рудика в девять утра было делом обреченным. И все-таки Женечка с большой готовностью кинулась к его мастерской не столько в надежде найти пропавший тросик, сколько из желания поскорее убраться с холода. Не успела она сделать и двух шагов, как прямо ей под ноги шлепнулась размоченный батон, выкинутый кем-то с верхнего этажа. Слетевшаяся с громким хлопанием крыльев стая сизарей принялась расклеивать на снегу желтую жижу, которую Женечка старательно обошла.

– За кормление голубей буду штрафовать, – беззлобно и неубедительно крикнула она куда-то вверх. И услышав, как захлопнулось чье-то окно, с чувством некоторого удовлетворения от выполненного долга потопала в соседний двор.

Железная дверь в мастерскую Рудика Госса открылась только после того, как пришедшая на помощь Женечке электрик Обухович грохнула по ней пару раз молотком.

– Ну шо вы, бабы, ломитесь с утра? – без особой вежливости, но и не враждебно поинтересовался заросший седой щетиной Рудик, обдав женщин перегаром. – Не видите, трубы горят. Рупь есть?

Женечка отрицательно мотнула головой.

– А два? – не сдавался Рудик.

– Я тебе треху дам, если мужикам тросик отнесешь, а потом в контору придешь за заявками, – перевела разговор на деловые рельсы Женечка.

– А сколько сейчас у нас времени? – засуетился Рудик. Предложение явно показалось ему заманчивым. – А Обухович не добавит? – вдруг обнаглев, поинтересовался он.

– Ага, а потом догоню и еще добавлю.

Кира Обухович словами и рублями не разбрасывалась. Взвалив стремянку на плечо, она пошла прочь, и даже ее удаляющаяся спина выражала осуждение алкоголизму, поощрение которого только что произошло на ее глазах.

– Рудик, ну зачем ты так много пьешь? – почувствовала укол вины Женечка.

С порога захламленной мастерской ей была отчетливо видна картина распада человеческой жизни: топчан, покрытый какой-то вонючей ветошью, батарея пустых бутылок на верстаке, ведро, куда Рудик оправлялся, когда был не в силах дойти до унитаза за незакрывающейся дверью уборной. Да и сам он выглядел ужасающе в бессмысленном кружении по своей конуре в поисках тросика: выступающая из грязного свитера несуразно длинная шея с дергающимся кадыком, дрожащие руки, остатки волос, прилипших к макушке, и когда-то голубые глаза с жалким, собачьим выражением.

– Дура ты, техник, – сказал он. – Когда я пьян, я отлетаю.

– Куда отлетаю? – захотелось уточнить Женечке. – В мир иной?

– В мир иной я отойду, причем скоро, – вполне осознанно ответил Рудик, вытаскивая из-под верстака тросик. – Ну, шо стоим-то? По коням!

День, так неудачно начавшийся с говна, потихоньку набирал силу. С неба то сыпала, то переставала идти какая-то белая крупа. Остановка автобусов на Чайковского почти опустела. Дворники, закончив отбивку поребриков, всей гурьбой направились в пирожковую «Колобок». С половины одиннадцатого к дверям винного магазина на проспекте Чернышевского выстроилась очередь. Голова сантехника Госса на длинной шее торчала почти у входа. Было ясно, что к кассе он прорвется одним из первых.

– Вот бы сухонького завезли, – размечталась Леля.

В жилконторе хорошо знали, что толпа перед дверями магазина появляется только в случае завоза спиртного. Забывавшего за обещанной трешкой Рудика снабдили деньгами и указаниями. Про заявки от предвкушения скорого опохмела он забыл, хотя тросик мужикам отнес, как обещал Женечке.

– А я бы счас чего покрепче хватанула.

Техник-смотритель Таня Рогина только что пришла с выселения. На ее участке очищали комнату жильца, осужденного на большой срок. Родственников у него не было, более или менее ценные вещи растащили дворники, а оставшийся хлам просто выкинули из окна на тротуар. Не подпускать прохожих к опасной зоне пришлось Таньке. Холодный ветер с Невы пробрал ее до костей.

Женечка разложила на тарелке докторскую колбасу, нарежала черный хлеб, высыпала соевые батончики в пластмассо-

вую миску и воткнула в сеть электрический чайник. Магазин открыли ровно в одиннадцать. Минут через двадцать в коридоре ЖЭКа раздался торопливый топоток. Возникший на пороге Рудик Госс, блаженно улыбаясь, распахнул полы ватника. Две бутылки портвейна симметрично оттягивали карманы его спецовки.

– Кавказ подо мною, – изрек он торжественно.

– А че, сухаря не было? – не оценила эрудицию водопроводчика Леля.

– Да–а–а ладно тебе, и крепленое сойдет. Давай бутылку, Рудик, – не поддержала ее Татьяна. – Счас мы дверь за тобой закроем, чтобы жильцы не ломились, а сами бухнем немного, пока Жази с планерки не вернулась.

Жази, как техники прозвали начальницу, появилась в конторе со следами легкого раздражения на лице после очередного нагоняя в тресте. К ее приходу от маленького пиршества не осталось и следа. Чашки помыли, колбасу съели. Пустую бутылку унесла практичная Марьяша, собиравшая стеклотару по всему району. И все же что–то насторожило Ольгу Павловну. Раскрасневшиеся щеки обычно бледной Игнатовой наводили на мысль о распитии спиртных напитков на рабочем месте.

– Евгения, – строго сказала Жази. – У нас с обеда работают кровельщики. Пойдут на твой участок сбивать сосули на Каляева.

– Бля–я–я–я! – расстроилась Женечка. – У меня сапоги

холодные. Околою стоять.

К выражениям такой силы из уст Цыпочки в жилконторе не привыкли. Видимо, портвейн «Кавказ» добавил убедительности ее высказыванию. Отзывчивая Татьяна тут же предложила ей свои суконные ботики.

– Лелькины носки наденешь и час прстоишь как миленькая. Главное, пальцами там шевели, восстанавливай кровообращение.

К советам Рогоиной прислушивались все. Непонятно, какие силы занесли ее, медсестру с довольно большим стажем работы, в контору к Жази, трезвонившей на всех углах, что из треста ей присылают не специалистов, а бог знает кого. Тем не менее, Татьяна, обладавшая счастливым умением уживаться с людьми, отлично вписалась в коллектив работников жилищно–коммунальных услуг. С ней всегда было приятно и выпить, и поговорить.

Благодарная Женечка скинула югославские сапожки и стыдливо поджала ноги в заштопанных колготках.

– Игнатова, у тебя ноги еврейские, – успела разглядеть обнажившиеся признаки национальной принадлежности ее лучшая подруга.

– Как это? – обиделась Женя. – Кривые, что ли?

Ноги в заштопанных колготках и вправду были чуть кривоваты. Вполне возможно, что таким образом сказался перенесенный в детстве рахит.

Оставив вопрос без ответа, Танька проворно влезла в им-

портную обувь, с некоторым усилием застегнула молнии на мускулистых икрах и, покачивая бедрами, прошла между письменными столами.

– А поглядите–ка сюда, девки, – сказала она, задрав юбку до допустимого предела.

Взору девок открылись стройные ноги Рогоиной с соблазнительными чашечками коленок и подтянутыми ляжками.

– Ну все, – подала наконец голос Леля. – Все мужики твои.

– Так а я про что? Они на меня сами валятся. Флюиды чувуют.

В самодовольной улыбке, застывшей на Танькиных губах, Женечке привиделось что–то непристойное.

– Ты это, осторожней, – не выдержала она. – Там внизу шов разошелся. Будешь вихляться, еще больше порвешь. Сапоги–то импортные все–таки.

– А Хабиулина зачем держим? Он так зашьет, что и видно не будет. И набойки новые поставит.

– Ну и сколько ж он возьмет за такой ремонт?

Леля прыснула от наивного вопроса Женечки:

– Она ж натурой расплатится. А деньгами те платят, у которых флюидов нет.

Похоже, в жилконторе с флюидами было хорошо у всех, кроме Игнатовой. У той же Лели в любовниках ходил участковый милиционер. Муж начальницы играл на гитаре в какой–то вокально–инструментальной группе и постоянно разъезжал по гастролям. Вроде бы у нее завелся кто–то в

райкоме партии. Танька спала со всеми подряд, а у Женечки никогда никого не было, если не считать школьной дружбы с Генкой Кисиным.

«А может, он тоже был евреем?» – вдруг подумала она и вспомнила, что роковую весть об еврействе ей принесла соседка по коммуналке тетя Надя Дьякова.

– Ничего я не яврейка, – расплакалась Женечка. Почему–то уже в девять лет она знала о проклятии этого слова.

– Как же не яврейка, когда папа у тебя Лев Яковлевич Миркин?

К тому времени отец уже несколько лет не жил с ними, но тетя Надя хранила в памяти его недолгое присутствие в семье соседей. Поделиться горем Женечке было не с кем.

Она не обмолвилась ни словом о своем открытии вечно занятой и усталой маме, женщине доброй и простой, которую угораз дило когда–то влюбиться в бравого офицера–летчика. Вполне возможно, что первые годы они были счастливы. В фотоальбоме хранились их улыбающиеся лица, но лет через семь после появления Женечки отец ушел к другой женщине и, добросовестно выплатив алименты, исчез из жизни оставленной им семьи. При рождении Женечке предусмотрительно была дана фамилия и национальность матери, но отчество и большие черные глаза выдавали принадлежность к племени вечных изгоев. А вот теперь еще и еврейские ноги...

Она поскорее обулась в Танькины суконные ботики. Даже

с шерстяными носками ботики были великоваты. Обижаться на подругу или сделать вид, что ничего не произошло?

От грустных мыслей ее отвлекла разъяренная Жази, грохнувшая вечной своей связкой ключей о Лелькин стол.

– Присылают, бля, работничков!

Каждая клеточка располневшего тела начальницы выражала негодование. Девки с интересом ожидали продолжения спектакля. В дверь жилконторы, заметно шатаясь, ввалился один из обещанных после обеда кровельщиков.

– Ну, я это... Павловна, принял немного, но работать могу хоть сразу...

– Я тебе, бля, дам «хоть сразу»! И думать забудь! На крыше в таком виде делать нечего. Скатишься вмиг – и пи^{*} ец котенку. Я в тюрьму из-за тебя, Сережа, идти не хочу.

– Дык мне теперь куда? – не найдя опоры, кровельщик со всего маху сел мимо стула. Отдав последние силы и даже не пытаясь подняться, он растянулся на полу.

– Девки, как бы он нам тут не нассал, – забеспокоилась Леля. – Ольга Павловна, куда его?

– Я знаю? Звони участковому.

Участкового Костырко на месте не оказалось.

– Так, а второй-то где? – Женечка вдруг вспомнила, что кровельщикам разрешалось работать только парами.

– Где? – сверкнула накрашенными глазами Жази. – Тебе сказать, или сама догадаешься?

Догадка не стоила больших усилий, поскольку техни-

ку—смот рителю Игнатовой уже не раз доводилось слышать исчерпывающе краткий ответ на этот, можно сказать, риторический вопрос. Похоже, что второй кровельщик был именно там.

Ситуацию спасли вовремя подоспевшие водопродовчики. Серегу подняли и увели.

Наказание в виде стояния на панели перед металлическими скособоченными оградками, охраняющими пешеходов от падающих сверху льдин, отменялось.

А между тем короткий декабрьский день, перевалив за середину, стремительно подходил к концу. На автобусной остановке снова затолпились люди, спешащие пораньше добраться домой. Уже после обеда стало смеркаться. То там, то здесь зажглись окна. Квадраты света легли на кашеобразную грязь, покрывающую тротуары. В конце рабочего дня раскрылись массивные дубовые двери гранитного куба на Литейном, 4. Поток людей с дипломатами устремился в арку проходного двора на Каляева. Близость зловещего места не сказывалась на усердии дворников. Растаптывая чавкающую под ногами кашу, деловые люди спешили пересечь загаженный двор и слиться с толпой, направляющейся к метро «Чернышевская».

В жилконторе на вечерний прием к паспортисткам выстроилась терпеливая очередь. Ольга Павловна открыла заветный сейф, где между импортной косметикой и банками

дефицитного кофе хранилась доверенная ей печать, и усе-
лась в своем кабинете заверять всевозможные справки. Тех-
ники—смотрители разбежались по домам.

История жизни Женечки Игнатовой началась двадцать
один год назад за тысячи километров от ее служебной ком-
наты в коммуналке на улице Чайковского. Невидимый учи-
тель географии скользит указкой по глянцевой поверхности
карты вправо. Где—то за голубым полумесяцем самого глубо-
кого в мире озера указка натывается на смешное слово «Чи-
та», вписанное в метрику Евгении Львовны Игнатовой как
место рождения.

«Нет—нет. Чита была в нескольких километрах от нашего
военного городка. В роддом меня отвезли на газике прямо
из барака».

Воображение Женечки рисовало взволнованного лейте-
нанта, гонящего газик с рожаящей на заднем сиденье женой,
но действительность была другой. Детей лейтенант не хотел
и всячески уговаривал жену избавиться от Женечки, живу-
щей тогда в теле матери в виде зародыша. Уговоры не по-
мogli. Ребенок родился, когда его отец был на летных испы-
таниях, и газик гнал другой, оставшийся Женечке неизвест-
ным человек. Барак для семей офицерского состава стоял на
краю военного аэродрома, затерянного в сопках и лесах За-
байкалья. «Там было так холодно, что у меня мокрые после
бани волосы однажды ночью примерзли к стенке, а ты спала

у нас в чемодане».

Зато со словом «Айдырля» можно связать фотографию трехлетней девочки в кроличьей шубке и с деревянной лопаткой на фоне снежного холма с торчащей черной трубой. «Так это землянка. Помнишь, у Пушкина? Жил старик со своею старухой у самого синего моря; они жили в ветхой землянке...» Стихи про старуху и разбитое корыто Женечка помнила, а землянку как место проживания своей семьи – нет. Еще она помнила запах гуталина и мокрых пеленок, стоявший во всех коридорах офицерской общаги, людей в галифе и линялых майках с вафельными полотенцами через плечо, помазок в белой пене, забытый кем-то на полочке в умывальной. Но все это было позже...

Дальше указка в руке учителя скользит по коричневой полоске, пересекающей карту сверху вниз. Слева Европа, справа Азия. Крошечная точка с названием «Каменск–Уральский». Здесь память становится отчетливее: зеленая обложка книги с Хозяйкой Медной горы, ужасающее слово «круглосуточный», первые слезы одиночества среди кроваток со спящими детьми. Блаженная болезнь ветрянки. Садик отменялся, и можно было болеть дома в голубом фланелевом халатике со смешными розовыми слониками. Отец, держащий пузырек зеленки наготове, мама, уговаривающая намазать руки липким и тягучим глицерином. Острое, пронизывающее чувство любви к ним.

«Ну, а потом папу твоего демобилизовали. И мы поехали

в Ленинград». В шесть лет Женечка не имела ни малейшего понятия о том, что происходило за стенами их комнаты, но заметила, что отец перестал носить фуражку и китель...

Указка невидимого учителя географии движется по карте с востока на запад, за ней в ночи несется тяжелый локомотив. Воспоминания о поезде, пересекающем страну, были чуть ли не самыми счастливыми воспоминаниями Женечки о ее детстве. Новые слова «плацкарт» и «подстаканник». Важная тетя–проводник с двумя свернутыми флажками в кожаном мешочке. Кусочки рафинада, исчезающие в стакане горячего ароматного чая. Засыпание на слегка влажной подушке под туки–так–туки–так–туки–так и вдруг протяжное «у–у–у–у»... Долгожданное слово «Ленинград», светящееся полукругом над крышей вокзала. Мамино раздраженное: «Женя, ну ты можешь идти быстрее!» Но как же идти быстрее, когда нельзя наступать на черные плиты пола, а можно – только на белые, делая шаги то шире, то короче.

Демобилизованный капитан авиации Миркин вернулся с женой и ребенком туда, откуда начал свой полет в жизнь. Коммуналка на Кировной пахла жареной рыбой. «Не колюшка, а корюшка. Как рычат собачки? – Р–р–р! – Вот умница Женечка. А теперь скажи: «Кто хочет разговаривать, тот должен выговаривать все правильно и внятно, чтоб было всем понятно».

Встреча со свекровью была безрадостной. Седая женщина запретила говорить слово «бабушка», подменив его словом

«тетя». О дедушке никто не вспоминал. Спать пришлось на раскладушке посреди большой комнаты с окном во двор. Родители спали на полу. «А что прикажешь делать с этим будырем? Его ни разменять, ни встать на очередь», – сокрушалась мама папы тетя Таня. И все–таки Миркиным удалось разъехаться где–то через полгода. Женечка с родителями перебралась в двадцатиметровую комнату в коммуналке на Моховой. Здесь пахло кошками. Кошки жили у Ольги Капитоновны и иногда выбегали в коридор. Беглянок ловили и возвращали в крошечную вонючую комнату. У Приколотиных был телевизор КВН, с линзой перед малюсеньким экраном. Они звали Женечку смотреть цирк и мультики. Время от времени между соседями вспыхивали страшные скандалы. Громче всех кричала на кухне та самая тетя Надя Дьякова, которая открыла Женечке тайну ее национальной половины, но уже после того как папа собрал свои вещи в коричневый чемодан и уехал.

Перед Новым годом повалил тяжелый липкий снег. Город покрылся толстой белой пеленой. «И почему снег меня больше не радует, как в детстве?» – задавала себе вопрос Женечка и сама удивлялась его нелепости. Разве в детстве она знала что–нибудь о снегоочистителях и технической соли? Хорошо Таньке. Ее участок приходился на правительственную трассу. Там снегоуборщики скребли днем и ночью, а на Каляева их ставили в последнюю очередь. Соли, присланной

из треста, не хватило уже на второй снегопад. Что бы они делали без Лельки? Только ее связи и помогли. Кто-то пригнал грузовик ворованной соли и сгрузил прямо в подворотне у жилконторы. Дворники налетели с санками и ведрами. Растащили за полчаса. Скинулись потом, конечно. Сколько Лельке перепало, никто не знает. Да и кому какое дело? Было в ней какое-то располагающее жизнелюбие и доходящий до неприличия оптимизм. Гордо, как норовистый конь, топала она по своему участку. Многие принимали ее за начальницу только по одному виду. Уже в первый снегопад Женечка пожаловалась Лельке на то, что на Каляева машины паркуются рано утром и стоят весь день. Очистить поребрик при этом совершенно невозможно. Перспектива очередного штрафа доводила Женечку до отчаяния, а собирать с дворников деньги для покрытия своих убытков она так и не научилась. На следующее утро важная Леля стремительно прошлась по Каляева с блокнотом в руках. Любую пытающуюся пристроиться к поребрику легковуху она встречала словами: «Та-а-к, сейчас буду записывать номера!» Легковухи в ужасе разъезжались. Никто даже не пытался выяснить, чем им могла грозить парковка в разрешенном месте в разрешенное время.

– Учись, пока я жива, – хохотнула Леля вслед поспешно отъезжающему «москвичу». – Ставь скорей дворников на расчистку, а то новые ландо понаедут, и айда к тебе чай пить. Счас я твоих заек распугаю!

Но именно этому Женечка и не могла научиться. Не было у нее ни громкого, чуть с хрипотцой, прокуренного голоса, ни задиристой наглости хабалки, с которой Лелька всегда добивалась того, чего хотела. А может, это была и не наглость, а какая-то заразительная энергия счастья, которой никто не мог противиться. Вот и Женечка вдруг бросилась расставлять дворников, весело переругиваясь с опоздавшими, и уже через час лифт медленно, как бы с трудом скользя внутри стеклянной шахты, прилепленной к стене, поднимал ее и Лельку на четвертый этаж дома на Чайковского.

Заек было двое. Вообще-то на заек они не походили. На крошечной головке Ирки пылал пушок ярко-оранжевых волос, а Толик был похож на состарившегося доисторического мальчика, перебравшегося из пещеры в ленинградскую коммуналку. Бог его знает, чем они занимались в своей норке, но ели непременно на кухне, причем всегда из одной тарелки. По субботам зайки привозили с Некрасовского рынка картошку и кочан капусты, из которых Ирка варила в большущей кастрюле то ли щи, то ли борщ. Усевшись на уголке своего кухонного стола и касаясь друг друга коленками, они сладострастно поедали это варево. «Зайка, ты ешь-ешь», – говорил Толик тихим нежным голосом, ложкой подталкивая Ирке лакомый кусочек картошечки. «Да я ем-ем», – шептала в ответ Ирка.

Присутствующей при этих сценах Женечке казалось, что она невольный свидетель высшего акта интимности соседей,

и она не знала куда деваться, пока жарила яичницу или варила сосиски. Такое трогательное проявление любви могло бы быть вполне безобидным, если бы не враждебность заек к окружающему миру. От их склочного характера страдали прежде всего соседи.

Дверь квартиры, к которой подтянулся медленный лифт, открывалась сразу в коммунальную кухню.

– Всем привет! – Лелька топнула пару раз по коврику и, не вытерев ноги, варежкой стряхнула на пол снежинки, окропившие ее лисий воротник. Быстро стянув пальто, она кинула его на первый же подвернувшийся стул. Стул был соседский.

От громкого голоса Лели зайки, склонившиеся над утренней тарелкой щей, вздрогнули и пригнулись еще ниже.

– У тебя какой чай? – продолжала греметь та.

– Обыкновенный, грузинский. А тебе какой подавай? – захопотала Женечка.

– Вообще–то я цейлонский люблю, ну да ладно, заваривай свой веник. Где твой стол–то?

Лелька бросила на зеленую клеенку горсть шоколадных конфет в желтой обертке.

– А че у тебя к чаю? Сыр есть?

– Батон есть, масло есть...

Зайки притихли и прислушались. С вениками они ходили в баню, а потом сушили их на растянутой в кухне веревке.

Чай пили с рафинадом. Подслушанная шутка вызвала у них что-то вроде недоумения.

– А че в коридоре-то темнотища, – защелкала выключателем неугомонная Леля. – Ты как дверь свою находишь? На ощупь?

– Я ж вчера лампочку ввернула, – удивилась Женечка. – Утром еще горела. Ой, я, наверное, забыла свет выключить, когда уходила.

– Щас я достану, – не выдержал Толя и вытащил откуда-то лампочку, вывернутую утром вслед убегающей на работу соседке, чтобы той неповадно было тратить лишнюю электроэнергию. И как только скудный свет озарил коммунальный коридор, на кухне заголосила Ирка:

– А пусть нам рамы отлечат тоже. Вы-то своей Женьке по благу отлечили, а наши-то рамы как были, как и есть: не закрываются. А к Женьке ходите – пол следите, ноги не обтираете, конфеты носите, веники воруете. Польша куда ложите? Не ваш это стул, – гундосила она на одной ноте, не переводя дух.

– Ну знаешь, Игнатова, в таких условиях я чай пить не могу, – сделала большие глаза Леля. – И долго это будет продолжаться?

– Да они сейчас на работу уйдут... Переждем немного. – Женечке хотелось чаю с конфетами в желтой обертке, но ее робкий голос прозвучал неубедительно.

– Некогда, мать. Давай ноги делать, пока я твоих заек не

пришибла ненароком. Можно, конечно, к Татьяне забежать и у нее посидеть полчаса, контору все равно открывать рано.

И с тем же самым неизбытым запасом счастья они ска- тились с лестницы, не дожидаясь ползущего лифта, и уже во дворе влились в поток людей с одинаковыми спинами, спешащих к арке проходного двора на Каляева и растворя- ющихся за массивными дверями зловещего куба на Литей- ном. Огибать Большой дом, стоящий на пересечении участ- ков их жилконторы, Женечке приходилось несколько раз в день, но, поскольку в ее жизни ничто не было связано с этим местом, она беззаботно пробежала мимо, удивляясь вечному холодному ветру, с ожесточением продувающему поворот с Литейного на Воинова.

Как-то само собой вышло так, что Новый год решили встречать у Тани Рогиной. Участковый Костырко принес красавицу елочку, конфискованную у браконьера, и вбил ее в крестовину. Праздничный запах ельника ненадолго заглу- шил вонь коммунальной квартиры.

– С наступающим, – прихватил Таньку за пухленькую та- лию Костырко. – Лелику передай, что мне надо к спиногры- зам.

Спиногрызами были его малолетние мальчишки–близне- цы.

– Понятное дело, семья, – закрыла за ним дверь Рогина и

тут же отзвонила подруге.

– Да ладно! – похоже, совсем не расстроилась Леля. – К нашему берегу – не говно, так щепки. – И перевела разговор на более приятные темы.

Женечке оставалось дорезать полкило докторской колбасы и заправить салат майонезом, когда кто-то дважды позвонил в дверь. Звонки были длинные и требовательные. На пороге, слегка покачиваясь, стоял Рудик Госс.

– Ты вроде хорошая девочка, – довольно внятно произнес он. – У тебя выпить есть? Не уложился я, а магазин уже закрыт.

– Нету, – соврала хорошая девочка, у которой были припасены к Новому году две бутылки сухого. – Мне скоро уходить.

А вот это было правдой. Собирались к десяти, время поджимало, а надо было еще довозиться с колбасой и майонезом, набить салатом эмалированную кастрюлю и проходными дворами добежать до Таньки. Да еще не забыть любимых Окуджаву с Дассеном. Женечка в нетерпении уставилась на незваного гостя, топчущегося в дверях: всегдашняя щетина, нелепо торчащая из подобия свитера шея, замызганная куртка. На какое-то мгновение ей стало его жалко:

– Салатику дать? Хоть поешь чего.

– Не-е-е... – поморщился Рудик. – Пусти в уборную.

Кто же откажет в этом человеку? Закрутившись с приго-

товлениями, она не видела, как Рудик исчез, оставив открытой входную дверь.

Может, кто и любил праздники, Новый год там или Восьмое марта, только не Таня Рогина.

– Пьянка, да и все, – говорила она, добавляя к известной цитате пару нецензурных выражений, сводящих на нет потребность людей в совместном чувствовании каких-либо определенных дат. За этой показной грубостью распознавалось одиночество женщины, не верящей даже в возможность счастья, если оно подразумевало присутствие мужчины. Скорее всего, здесь пряталась какая-то душевная травма, от которой Татьяна так и не смогла оправиться. Мужиков она презирала и держала только «по необходимости», но поскольку с годами «необходимость» не спадала, а разрасталась, вместе с ней разрасталась и ее ненависть к нелучшей половине человечества, представители которой разбегались, испытав на себе накал Таниной агрессивности.

Неопытной Женечке была непонятна сложность сексуального устройства подруги, и она считала ее обыкновенной бля^{*} ю, впрочем, нисколько ее за это не осуждая. Истоки одиночества Лели тоже скрывались в прошлом, но, в отличие от Тани, к мужикам она относилась с некоторым доверием и довольно снисходительно. Какая-то общность судеб свела всех троих за праздничным столом коммунальной квартиры на улице Воинова.

Старый год девочки проводили со «Столичной». Закусывали селедкой под шубой и холодцом. Леля села напротив окна, за которым чернела новогодняя ночь. Вглядываясь в свое отражение, она томно закидывала голову и поправляла волосы, словно чувствуя на себе взгляд отсутствующего участкового. В углу комнаты по телевизору приглушенно коптел «Голубой огонек». После второй стопки и мясного салата заговорили о мужиках. Разговор пошел о размерах и позах. По–Таниному выходило, что при определенной сноровке результата можно добиться с любым размером. Леля не соглашалась: ей подходил только большой. «Вот поэтому за Костырко и держусь», – сказала она и как–то похабненько расхохоталась. Из обсуждаемых поз Женечка усвоила только вариант, прозванный рабоче–крестьянским, все остальное показалось ей каким–то высшим и неправдоподобным пилотажем. Принять участие в разговоре ужасно хотелось, но что она могла рассказать? Как не поверила ушедшей подружке, открывшей ей тайну зачатия? Женечке и сейчас, через пятнадцать лет, многое в сексе представлялось не то чтобы абсурдным, но скорее удивительным. «Как странно, что после этого появляются дети», – думал она. Однажды она даже попыталась поделиться недоумением с Татьяной, но, услышав резкое: «В твоём возрасте оставаться девственницей уже не достоинство, а недостаток», обиделась и как–то даже от нее отдалилась. Впрочем, ненадолго. Татьяна казалась ей жен-

щиной доброй и несчастной, хотя и была в ней какая-та накопленная злоба, вырывающаяся в самые неподходящие моменты. Вот и сейчас. «Да выключи ты это нытье!» – вдруг вскинулась она на тихое окуджавское «Ель, моя ель, уходящий олень...» – столь любимое Женечкой. «Давайте лучше споем, девки!» – и затянула: «Вот кто-то с горочки спустился...» Спели. Потом пьяными голосами затянули «Ромашки спрятались, поникли лютики...» – и чуть не опоздали откупорить шампанское и выпить за Новый год. Не дослушав Муслима Магомаева, поющего по телевизору о любви к женщине, Женечка встала из-за стола и, пошатываясь, направилась к проигрывателю.

– Танцуем все! – игла проигрывателя неуклюже царапнула по пластинке.

– Та-да-та... Та-да-да-да-та-да-да-та, – запел Джо Дассен из глубин Люксембургского сада.

И под этот ласкающий, словно раздевающий голос закружились-закачались вставшие в круг поддатые девки. Лелька первой стянула с себя юбку и кофточку. Это показалось настолько естественным и даже нужным, что ее примеру последовали и две другие.

И вот уже в темном окне отразились три обнаженные женские фигуры, в упоении танцующие неведомый танец – то ли трех ведьм, то ли трех граций, то ли трех гражданок огромной страны, раскинувшейся в бесстыдстве «от края и до края».

После Нового года снегопады сменились стойкими морозами.

Изморозь, покрывшая провода и деревья, превратила улицу Каляева в сказочные чертоги. Женечка перестала задерживать шторы на единственном окне своей комнаты, выходящем на противоположную стену двора–колодца. Ажурные белые узоры на стеклах спрятали жизни людей от назойливых соглядатаев.

По льду Невы, от набережной Робеспьера до Крестов, протянулась хорошо вытоптанная дорожка. «Прям как в блокаду, – говорила Марьяша, которая в детстве таскала ведрами воду из Невы и на санках отвозила домой. – Да я жила прям тут, на Каляева, тока подальше. Не на нашем участке».

Блокаду вспомнила не только Марьяша. При тридцатиградусных морозах в квартирах исчезло отопление. Телефон жилконторы не смолкал. Люди толпились в коридоре, приводили закутанных детей, кричали, угрожали, плакали. Техники–смотрители носились по лестницам, где вдруг выросли то ли сталактиты, то ли сталагмиты. Водопроводчики паяльными лампами отогревали стояки, но трубы снова прихватывало морозом.

О югославских сапогах с новыми набойками и умелыми прошивками сапожника Хабиулина Женечке пришлось забыть и обуться в уродливые, зато теплые чеботы отечественной фабрики «Скороход». Да и всем было не до красоты. Началось настоящее бедствие. Своими силами ни контора, ни

трест тут справиться не могли.

В этой безвыходной ситуации то ли флюиды, то ли связи помогли Ольге Павловне, и к ней первой в районе направили солдат стройбата. Парней в валенках и тулупах привезли из Новгорода в грузовиках с брезентовыми крышами. За ними подтянули сварочные аппараты с газовыми баллонами и даже полевую кухню. Счастливая Ольга, накинув на дубленку пуховый платок, бегала по участку, расставляя людей. Начали с Каляева, 23.

Странное это было здание: пятиэтажка с мансардой и полуподвалом, с привычно загаженным двором и обшарпанными лестницами, она выделялась в безликом ряду доходных домов на бывшей Захарьевской благодаря то ли причуде давнего заказчика, то ли страсти архитектора к египетским мотивам.

– Гляди, ребята! Им не холодно, – гоготнул солдатик, мотнув головой в сторону гранитных фараонов у парадных дверей.

«Да тебе самому не холодно, – Женечка с завистью рассматривала экипировку стройбатовцев. – Штаны и те на ватине. Вот бы нашим мужикам такие».

Впрочем, работали ребята быстро и слаженно: затащили на пятый этаж новые трубы, сварку с баллонами, растянули временную проводку со светом.

– А вы нам тут, девушка, не нужны, – отправили они Женечку с чердака. – Приходите после обеда утеплять трубы.

Вот об этом в беготне и заморочке последних дней никто из техников–смотрителей не подумал.

– Чем их утеплять–то? Юбки, што ль, шерстяные резать на куски? – с наступлением морозов Жази заметно занервничала. Нерасторопность могла дорого ей обойтись.

– У нас вроде мешковина на складе есть, – подала спасительную идею Лелька. – Нарежем лентами, да и все дела.

Мешковину привезли где–то через час. Резали ее в конторе до обеда. Потом всей гурьбой отправились в «Колобок» и перехватили теплого сладкого кофе с пирожками, а уж по чердакам разбежались по одиночке.

Морозный солнечный день просачивался сквозь щели слуховых окон, забитых фанерой, но без времянки, проведенной стройбатовцами, здесь было бы темно. Ребята уже ушли, оставив запах сварки и окурки на лестнице. В дальнем углу чердака висело заледенелое белье, забытое кем–то из жильцов. «Провоняет теперь горелой проводкой. Придется перестирывать», – как–то некстати подумала Женечка. Не снимая варежки, она вытянула кусок мешковины из сваленной возле голой трубы кучи. Замотать нужно было метров пятнадцать. Холод пробирал до последней клеточки. «Если быстро наброситься, за час можно уложиться. Главное, как там Рогина говорила? – шевелить пальцами». Руки в варежках плохо слушались, а снять их было невозможно. «И почему это у меня всегда ничего не получается? За что ни возь-

мусь. В принципе. Есть ведь люди, которые все умеют». Женечка вспомнила, как ловко и умело Татьяна забинтовала ее растянутую при падении щиколотку. «Вроде ту же надо и следующий виток накладывать на предыдущий только до половины». Дело пошло на лад, но теплее от этого не стало. К тому же было не только холодно, но еще и страшновато. Все-таки одна на чердаке. «И чего они разбежались? Глупость какая... Всей гурьбой быстрее, и вообще...» Женечка чутко прислушивалась к всевозможным шумам, доносящимся снизу, особенно к скрежету лифта. Заодно она присмотрела за стеной непонятного назначения место, где можно было бы спрятаться в случае чего. Через полчаса дверь лифта грохнула—таки на пятом этаже. Затем послышались шаги: кто-то поднимался на чердак. Она успела метнуться за облюбованную стену и осторожненько оттуда выглянула.

В дверях стоял Ванька—Боян, побрякивая ведром с какими-то железяками. Кажется, он испугался не меньше Женечки, когда та выскочила из-за стены:

— Ох ты! Гляди—ка, кто тут у нас копошится. Я думал, может, бомж какой залез погреться, а тут такие люди в Голливуде...

— Погреться? Я тут чуть не околела, Вань. Зуб на зуб не попадает, а вон еще сколько осталось, — с какой-то безнадежностью Женечка махнула в сторону голой ледяной трубы.

Вид у Вани был слегка замученный. Он давно не брился и как-то осунулся, может, даже похудел. Легкое белое облачко

вылетало у него изо рта при каждом слове.

– Морозы эти заколебали. Счас теплее станет. Где тут вантуз? – он поставил ведро и посветил фонариком по углам. – Воздух стравить надо, поняла?

То, что называлось «вантуз», висело на пересечении трех труб и напоминало огромный ручной насос. Женечка с интересом следила за сантехником. Заметив ее внимание, Ванька–Боян перешел на деловой и поучительный тон.

– Ну шоб, бля, вентиль хоть бы на одном крану оставили. Все посшибали или растащили. Ну–ка, техник, дай мне шведки из ведра. Да вот они, торчат вверх ногами. Разводной ключ это, поняла? Осторожно. Тяжелые. Второй номер я потерял. Забыл где–то по пьяни. Это третий. С ними надо осторожненько, а то снесешь все на хер. Та–а–к. Счас я воздух стравлю, – он повернул разводным ключом кран с отбитой головкой. – Там поплавков такой внутри есть, тебе не видать отсюда, дык я его проволокой подниму тихонько.

Поучая, он ловко орудовал проволокой внутри вантуза. Через несколько минут ручной насос зашипел и заплелся горячей водой.

– Ведро давай, зальем все на хрен!

Женечка ловко подставила ведро. На хрен они ничего не залили. Трубы вздрогнули, было слышно, как по ним побежала вода.

– Ну вот. Счас будет теплее.

– Ой, Вань, какой ты молодец! – Женечка сняла рукавицы

и поправила выбившиеся из-под теплой шапочки волосы.

– Слышь, Игнатова, выпить хошь? Согреешься в пять минут, – как заправский иллюзионист, Ванька широким жестом вытащил из глубин карманов четвертную. – Раздавим малыша?

– Прямо из горла?

– Где я тебе фужор здесь возьму? Не будешь? Смотри, заболеешь. Мне же больше достанется.

Присев на балку, он закинул голову и влил в глотку где-то с половины четвертушки. Крякнув и передернувшись, занюхал рукавом:

– Ох, хорошо–то как. Тепло так и пошло. На–ко вот, – он протянул бутылек Женечке.

И Женечка, зажмурившись, хлебнула, закашлялась и хлебнула еще раз. В голову ударило через минуту. Спасительное тепло накрыло ее волной. Ноги ослабели. Она села рядом с сантехником, нисколько его не боясь. По всему было видать, что Ваньке захорошело тоже.

– Из–за острова на стрежень, – вдруг запел он. – Эх, гармонь бы мне сейчас. Я б тебе, Цыпочка ты моя ненаглядная, спел. Ты девушка хорошая, культурная. Я тебя давно присмотрел. А что, Игнатова, выходи за меня замуж... На простор р–р–речной волны...

– Ну куда я пойду, Вань, – слегка кокетливо хихикнула Игнатова. – У меня ж флюидов нет.

Не зная значения незнакомого слова, Ваня правильно по-

нял направление мысли:

– Чего нет? Худая, што ль? Так ты кушай побольше. Пельмени там, картошечку. Вот и эти наростут, как их?

Он обнял Женечку за предполагаемую под толстым слоем одежды талию:

– Я б каждый мизинчик на твоих ножках обцеловал... Выплывают расписные...

Игнатова прикрыла глаза. Ее разморило и куда-то понесло. Про трубу думать не хотелось. Ну ее... Может, не замерзнет...

Топоток Марьяши нарушил чердачную идиллию. Завидев ее, Ванька запел во всю мочь гнусавым голосом:

– Я цыганский барон, у меня триста жен, и у каждой жены голу-у-убые штаны.

Только глубокая сосредоточенность не позволила Марьяше отреагировать на такой беспардонный намек на ее голубые рейтузы.

– Слышь, ты, Георг Отс, – затараторила она, опасно косясь на Женечку. – Халтура есть. Тут бабка одна с Каляева, 29, челюсть в унитаза уронила...

– Ну-у-у, – прислушался Георг Отс.

– Да и смысла ее ненароком... А там, говорит, зубов золотых на тыщу наставлено. Бабка плачет. Говорит, сто рублей заплатит тому, кто ее челюсть выловит. Там делов-то: унитаза снять да фанину качнуть. Мне одной не управиться. Пошли давай!

– А Немец где?

По негласному джентльменскому соглашению сантехники халтурили только на своих участках.

– А я знаю? Я ему в дверь стукнула два разá. Ни ответа, ни привета. Запил, видать, с Нового года. Айда давай. Дело верное. Половина твоя, – Марьяша подхватила Ванькино ведро с железяками и засемила к выходу.

На какое–то мгновение борьба желаний отразилась на заросшем щетиной лице.

– Эх, – наконец решился Ваня, с трудом поднимаясь с насиженной балки.

«Позади их слышен ропот: нас на бабу променя–я–я–л...» – донеслось уже с лестничной площадки.

– Куда же ты увела моего жениха? – крикнула Женечка каким–то незнакомым самой себе голосом.

В ответ только грохнула дверца лифта. «Ну вот, и Ваньку смыло набежавшею волной, а труба осталась. В трубе дело. Это ж как–то встать надо», – продолжила она монолог.

Встать удалось, но повело не к трубе, а к слуховому окну. Поднявшись по приставной лестнице, она кулаком распахнула фанерные створки. Темнеющее январское небо представало перед ее пьяненьким взором. Высунувшись до половины, Женечка разглядела крыши домов, черные деревья Таврического сада, белесый пар над трубами котельных. Слева вдали виднелись купола Смольного собора. Какое–то неизвестное чувство распирало ее заколотившееся сердце.

– Чуден Днепр при тихой погоде, – вдруг продекламировала она невидимому свидетелю ее восторга и попробовала выбраться на крышу.

– Ку–уда! – чьи–то сильные руки бесцеремонно подхватили Женечку под мышки и потянули вниз. – Я тебе, Игнатова, по крышам пошастаю, а ну, слезай.

– Когда умру, хочу, чтоб душа моя, расправив крылья, пролетела над этим городом, – уперлась Игнатова.

Руки потянули сильнее. Пытаясь оглянуться, Женечка потеряла равновесие и наверняка бы упала, если бы Славик не успел ее подхватить.

– А Боян нам сказал, что ты только два раза глотнула, – донесся голос Лели.

– Это ее с пирожка с повидлом так развезло, – откликнулась Татьяна.

– Ой, девочки, – задохнулась от счастья Женечка. – Это не пирожки, это труба меня задолбала.

– Да делов–то тут! – и Татьяна за пятнадцать минут замотала оставшийся кусок злосчастной трубы по всем правилам наложения повязок на закрытый перелом.

После короткого перекура компания отправились в контору согреться. Закусывали цыплятами.

– В гастрономе сегодня давали. Синенькие такие, костлявенькие, как ты, Жень, только не обижайся. Так я домой сбегала, нажарила, – распиналась Леля, раскладывая кусочки курочки по белым тарелкам с надписью «Общепит».

До квартиры Женечку довел Славик. Поковыряв ключом в замке, она потянула провожатого на порог распахнувшейся двери. Сидящие на кухне зайки бурно отреагировали на появление пьяной соседки с незнакомым мужиком:

– Тут она всяких в дом водит, – загундосила Ирка, – а потом краска для волос пропадает. Где я теперь такую краску достану?

– Да не брала я твою краску, – огрызнулась Женя. – Откуда мне знать, где ты ее держишь.

– В туалете в коробке, а мне волосы красить надо...

– Извините, дамочка, дайте–ка пройти, – Славик проволок Женечку мимо зайки с развевающимся от негодования оранжевым пушком на голове.

– Тама ее дверь, в самом конце коридора, – подал заискивающий голос Толя. Он оценил рост и силу гостя, но, поскольку натура победила, крикнул ему в спину:

– Ты у ей не первый будешь, мужик! Тута разные к ней ходют.

– Я тебе уши–то на жопу натяну, – не оглядываясь, но внятно и без всякой угрозы в голосе ответил Славик.

На следующее утро Женечка могла только вспомнить, как кто–то стянул с нее скороходовские сапоги–кувалды, накрыл чем–то теплым и, закутывая, сказал: «Странная ты девочка, Евгения Игнатова».

Вскрывать железную дверь мастерской Рудика Госса по-

шли бригадир Каляныч с ломиком и участковый Костырко с техником–смотрителем Игнатовой. Когда раскученная дверь приоткрылась, опытный Костырко отстранил Женечку, но она успела вдохнуть ужасающую вонь прокисших пищевых отходов, увидеть висящее тело Рудика и раскиданные по полу пустые пузырьки Иркиной краски для волос.

В конторе все жалели Рудика.

– Да не жилец ваш Немец был, – сделал посмертное заключение участковый Костырко. – Там, на верстаке, чего только у него не валялось, пил что ни попадя.

Замечание было верное. На похороны Рудольфа Госса скинулись всем миром. Родственников у него так и не нашли. По месту прописки на Лиговском проспекте он давно не проживал. К похоронам морозы ослабели, началась оттепель. На Красненьком кладбище гроб опустили в яму, куда натекла талая вода.

До Рудика Госса Женечке уже пришлось хоронить бабушку тетю Таню. Отношения между ними сложились странные. О любви тут говорить не приходилось, но жизнь как–то прибила их друг к другу. Капитан в отставке Миркин, обзаведясь новой семьей, матушку не жаловал. Получив свои разменянные квадратные метры в Саперном переулке, пару лет прожила она там в полном одиночестве. На работу ходила через дорогу в магазин «Аптекарские товары», где потихоньку подворовывала тройной одеколон, отливая из бутылочек

в приготовленный заранее пузырек. Одеколоном тетя Таня смачивала ватку и протирала свое тело в пределах досягаемости, поскольку в баню она никогда не ходила, а ванной в квартире на Саперном не имелось. Другие таинства соблюдения гигиены стареющей женщины никому были не известны. Женечку ужасно смешил вид белого эмалированного ночного горшка на электрической плитке, поскольку со временем тетя Таня перестала выходить на коммунальную кухню и готовила у себя в комнате. Горшок был того же происхождения, что и пузырек с одеколоном, и служил кастрюлей. В нем варились всевозможные снадобья, которыми кормилась тетя Таня. Так потихоньку и скоротала бы она свои дни, если бы не внимание бывшей невестки. Правда, внимание это не было бескорыстным. Молодой разведенной женщине нужно было «как-то налаживать жизнь», несмотря на всевозможные препятствия. Теперь Женечка все чаще смотрела у соседей Приколотиных не только мультики с цирком, но и всю программу телевизионных передач. Около десяти часов вечера тетя Валя Приколотина разбирала горку маленьких подушек на кровати и доставала из шкафа две большие. Просмотр на этом заканчивался, и девочку вежливо выпроваживали. В первый раз, когда дверь в ее комнату не открылась, Женечка села на пол и заплакала. Куда деваться, если мама ушла и забыла ее у соседей? Тетя Надя Дьякова, услышав тихое всхлипывание, вышла в накрученных на голове бигуди в коридор и громко стукнула в дверь соседки. Тогда-то

Женечка впервые услышала и запомнила слово «бля». Мама испуганно отворила и впустила заревавшего ребенка домой. В комнате пахло куравом и незнакомым человеком. На спинке стула висел китель, но не такой, как когда-то был у папы, а черный с золотыми галунами. Дядя Петр Николаевич плавал на подводной лодке. Утром за завтраком он протянул девочке в подарок большую круглую монету. «Один рубль», – прочитала Женечка и вопросительно посмотрела на маму. Та кивнула. Рубль долго хранился в хрустальной лодочке, пока не исчез, впрочем, как и сам Петр Николаевич.

Похоже, жизнь у мамы все никак не налаживалась. Женечка уже знала имена всех дикторш ленинградского телевидения, когда Приколотины стали закрывать от нее свою дверь на защелку. Тогда мама и отвезла ее в Саперный переулок. «Все-таки Татьяна Ильинична твоя бабушка», – уговаривала она упирающуюся Женечку. Надежд на помощь было мало: «все-таки бабушка» много лет не признавала бывшую семью сына. Но чудо произошло: тетя Таня согласилась присматривать за внучкой несколько дней в неделю. Ей было веселей с девочкой, да и жизнь ее как бы снова приобретала смысл.

Первые годы, проведенные в убогой комнате на Саперном, были особенно тоскливыми для Женечки. Сделав уроки, она тихонько сидела у окна, выходящего во двор. Гулять ее не пускали, телевизора в доме не было. Спасением была сначала круглая черная тарелка радио с детскими передачами про Маленького принца или корзину с еловыми шишками.

ми, а потом – книги. Граф Монте–Кристо и графиня де Монсоро заменили Женечке семью.

Читать дома становилось все сложнее. Годы шли, а новый муж все никак не приходил. В доме застоялся запах спиртного и чужих грязных носков. Однажды мама застала одного из своих поклонников за попыткой завалить худенькое тело пятнадцатилетней дочки на диван. Поклонник в доме больше не появлялся, но его тут же сменил другой. Теперь Женечка уже по своей воле стала проводить почти все время у тети Тани. Та была только рада «поговорить хоть с кем-то». Разговоры сводились к бесконечным монологам, которые Женечка не слушала, уткнувшись в очередную книгу. Читая заданные «Мертвые души», ученица Игнатова вдруг обратила внимание на то, что Татьяна Ильинична ни об одном человеке не сказала ни одного хорошего слова. «Ну чистый Собакевич», – пришло ей на ум. Так началась любимая игра. Ко всем знакомым Женечка стала подбирать подходящих литературных персонажей. Мама была для нее Раневской из «Вишневого сада», соседка Дьякова – гоголевской Коробочкой, семейство Приколотиных – старосветскими помещиками, а сама она представляла себя не иначе как дикой собакой Динго из «Повести о первой любви». При таком раскладе поступать можно было только на библиотечный факультет Института культуры, но именно туда Женечка завалила экзамен по английскому. Оставался техникум.

Два года обучения в библиотечном техникуме были счаст-

ливыми. Чтение книжек удачно сочеталось с нехитрой наукой регистрации и размещения «инвентарных единиц» на полках районных библиотек, приветливо распахнувших двери молоденьким студенткам. Ночевки у подруг в общежитии и набегі то на Моховую к маме, когда там не было очередного претендента на руку и сердце, то к тете Тане в Саперный переулоч решали жилищный вопрос, вернее, отодвигали его решение. Случайно или нет, но получение диплома совпало с появлением капитана в отставке Миркина. Этот князь Василий (еврейского происхождения) во что бы то ни стало пытался пристроить свое разросшееся семейство на дополнительные квадратные метры. Женечка представляла для него реальную угрозу. Непонятно как, но он уговорил матушку прописать его на Саперном. Какие-то угрызения совести все-таки посещали тетю Таню. Перед самой смертью завелась у нее странная подруга по имени Нина Ивановна, работавшая в отделе кадров жилищного треста. Женечка не смогла подобрать ей подходящего литературного персонажа, а Татьяна Ильинична за глаза называла подругу одним коротким словом – «пьянчужка». «Ну почему пьянчужка-то?» – возмущалась Женечка. «Да пьет как лошадь», – сердилась тетя Таня на вечно перечашую внучку. Так или иначе, но Нина Ивановна устроила Евгению Игнатову техником-смотрителем в жилищную контору с обещанием служебной площади в не столь отдаленном будущем. Вскоре после этого тетя Таня заболела чем-то вроде гриппа. Соседи

по коммуналке, почувствовав неприятную вонь из-под двери Миркиной, вызвали участкового. Тот созвонился с Женечкой.

Татьяна Ильинична, вернее, ее тело, лежало на полу в ночной рубашке, запутавшись в одеяле ногами. Появился и князь Василий. Похороны он оплатил. После похорон тети Тани Женечка никогда его больше не видела. Но с Ниной Ивановной она встречалась довольно часто, при этом та была всегда пьяна.

Нет ни времен года, ни явлений природы, благоприятных для жилищно-коммунального хозяйства. Вот и потепление, наступившее после январских морозов, не принесло ничего, кроме беготни – техникам-смотрителям и расходов на ремонт протечек – тресту. Проржавленная кровля потекла под лучами северного солнца, растопившего снег на крышах. На этот раз страдали жильцы верхних этажей.

В мансарде дома 23 по улице Каляева располагалась художественная студия. Когда-то это была громадная коммунальная квартира, но со временем всех ее обитателей расселили, а площадь передали в нежилой фонд. Студию заливало каждый год, художники жаловались во все инстанции. Инстанции заседали на Ольгу Павловну, та плакалась в тресте, но фонд-то был нежилой, и ремонт крыши откладывался из года в год. После очередных телефонных переговоров начальница отправила техника Игнатову определить

размах ущерба. «Ну и эта... произвести приятное впечатление».

– Жень, ты как приятное впечатление произведешь, а мужички там представительные и при деньгах, между прочим, – начала с ехидной улыбочкой Леля, – на чердак не ходи. Там все равно кровельщики слуховое окно кирпичами заложили.

И, увидев непонимающий Женечкин взгляд, взмахнула руками, как крыльями, и добавила:

– На случай, если душе приспичит полетать над городом.

– Ой, ну ладно, – совсем не обиделась Женечка.

Ей самой хотелось познакомиться с художниками, этими загадочными бородатыми мужчинами в рваных свитерах и с длинными волосами. Сразу после обеда (а раньше в мастерской все равно никого не было) она отправилась в один из охраняемых фараонами подъездов на Каляева, 23. Оттепель покрыла их гранитные тела белой испариной, на которой кто-то успел вывести матерное слово. Тем же словом была исписана кабинка лифта, с лязгом, неторопливо ползущего на пятый этаж.

Женечку встретил прилично одетый молодой человек без малейших намеков на бороду на ухоженном лице, который провел ее через анфиладу комнат к последней, с залитым потолком и обвисшей штукатуркой.

– Только ради бога, не ходите сюда. Это же аварийная ситуация, потолок надо отбить, чтобы ненароком кого-нибудь

не убило, – занервничала Женечка.

– Ну, а про что я талдычу начальнице ЖЭКА, как бишь ее?

В дверях стоял кто–то представительный в дубленке. Очки в роговой оправе устойчиво сидели на его коротком и слегка вздернутом носу.

– Вы у нас, сударыня, кто будете? Ах, Женя Игнатова. Чайком с нами не побалуетесь?

И уже через полчаса Женя Игнатова сидела в удобном кресле с чашкой какого–то редкого ароматного чая и, боясь отхлебнуть, с восхищением взирала на Кирилла Ивановича, оказавшегося руководителем студии–мастерской. Никаких лохматых художников, творящих у мольбертов, здесь не было. В комнатах, уставленных кульманами, работали хорошо одетые люди. На громадном столе Кирилла Ивановича высился макет какого–то здания.

– Это наш проект – музей Ленина в Улан–Баторе, – пояснил он. – А чем занимается Женя Игнатова?

Вопрос был задан слегка ироничным тоном, впрочем, в нем можно было уловить нотки искреннего интереса.

– Я техник–смотритель. Вот хожу, смотрю, как все разваливается, и ничего с этим не могу поделать. Район–то старый, допотопный. Весь фонд нуждается в капитальном ремонте.

Ей вдруг захотелось рассказать про морозы, про повесившегося Рудика, про подруг, считавших ее еврейкой, хотя она

была русской, про своего отца, капитана Миркина, которого не знала, да и знать не хотела. Но ничего этого рассказывать не стала. К Кириллу Ивановичу пришла какая-то девица в ловко обтягивающих круглый задик джинсах и стала с ним что-то обсуждать, развернув рулон ватмана. Когда Женечка допила чай и девица наконец удалилась, оказалось, что Кирилл Иванович прекрасно помнил, на чем остановила свой рассказ гостя.

– Смотритель, говорите. Район вам не нравится, значит. Женечка пожала плечами.

– Да вы просто не знаете этот район. Тут неподалеку, на углу Шпалерной, сейчас это улица Воинова, и проспекта Чернышевского, Самсон Вырин отслужил молебен в церкви Всех Скорбящих и оттуда пошел к Литейной. Он тоже был смотрителем, вроде вас, только станционным. Читали про такого?

– Конечно, – слегка обиделась Женечка, но никакой церкви на том углу она не видела.

– А не припомните, что он в Петербурге делал и как раз в не любимом вами районе?

– Дуню искал. Свою дочь.

– Правильно, Женя. Здесь каждый дом связан с нашей историей и культурой. А про этот самый дом, где мы с вами чай пьем, что-нибудь знаете?

Кирилл Иванович вышел на минуту и вернулся с какой-то книгой:

– Вот, смотрите, наш Египетский дом. Узнаете красавца? Это дореволюционные фотографии. Видите, кто подъезды охраняет?

– Фараоны, – не совсем уверенно ответила Женечка.

– Вообще–то это статуи бога Ра, а вот, посмотрите на полуколонны. Видите эти маски? Это головы египтянок, возможно, тоже подразумевались богини. Архитектор Сонгайло был большим поклонником египетского искусства. А какая была роскошная арка! Потолок, стены расписаны летящими птицами, крылатыми дисками. А подъезды! Посмотрите, как были расписаны подъезды! И это простой доходный дом. И на что это похоже сейчас? Да что там говорить! – с горечью закончил Кирилл Иванович. – Люби и знай свой край, вернее, то, что от него осталось.

Притихшая Женечка листала книгу, лежащую у нее на коленях. Как все интересно, а она ничего–ничего–ничего не знала. Как же она проходила, вернее, пробежала мимо этого великолепия, пусть потускневшего, но еще живого? И какой удивительный, замечательный Кирилл Иванович.

– У вас много книг, да? Я очень люблю читать и техникум закончила библиотечный, а в жилищном хозяйстве ничего не смыслю, – зачем–то разоткровенничалась Женечка.

Кирилл Иванович внимательно посмотрел на бедно одетую девушку, с виду почти подростка, сидящую в кресле немного в стороне от его заваленного стола: короткие темные волосы, худенькая шейка, поношенная кофточка с ко-

ротковатыми рукавами, из которых вытягивались ручки с детскими пальчиками. В этой замухрышенности была та искренность и непосредственность раннего девичества, которые его всегда завораживали и восхищали в женщинах.

– Женя Игнатова, – начал Кирилл Иванович, – если я дам вам кое–что почитать, можете обещать, что, прочитав, тут же мне вернете и никому не станете рассказывать, откуда у вас книга?

– Обещаю, – кивнула Женечка. – Я быстро читаю. А что за книга?

Кирилл Иванович снова куда–то вышел и принес на этот раз книгу в белой обложке, на которой было написано: «Владимир Набоков. Защита Лужина. Издательство им. Чехова. Нью–Йорк».

– Знаете такого автора? Нет? Вот я ее вам как следует заверну, а вы только дома развернете, прочитаете и сразу принесете мне. Идет? И про кровлю не забудьте, а то мы уже устали ругаться с вашим начальством. Напоминайте им там, что мы давно ждем ремонта.

Завернутую в плотную бумагу книгу Кирилл Иванович положил в желтый полиэтиленовый пакет со словом «Berezka» поверх красной матрешки.

Предусмотрительная Женечка отнесла пакет домой и только после этого вернулась в жилконтору, сделав круг по улице Вои-нова, чтобы найти церковь, в которой молился станционный смотритель. На фасаде углового дома, где раз-

мещалось Общество охраны памятников, висела мемориальная доска «Церковь во имя Божьей Матери «Всех Скорбящих Радости». Ну вот. А она ходила мимо каждый день и ничего не видела. Женечка посмотрела вдаль уходящей к Смольному собору улицы Воинова. «Нет, все–таки она какая–то мертворожденная, тусклая и безликая. Хорошо, что это Танькин участок. Ей наплевать на архитектуру и на Самсона Вырина. А смешное это имя – Евдокия Самсоновна. Задразнили бы в школе», – и Женечка нырнула в подворотню на Чернышевского.

Выслушав подробный отчет о нависшей над жизнью людей опасности в виде кусков штукатурки, Ольга Павловна послала в мансарду на Каляева, 23, плотников. Аварийный потолок отбили, ремонт крыши запланировали на второй квартал текущего года. И то слава богу.

Вечером Женечка развернула заветную книгу. Успев только пробежать глазами первые строчки, уже знала, что будет перечитывать каждую страницу этого романа. Потом задумалась на какую–то долю секунды, стоит ли уже сейчас, сразу же начать заново, впитывая, пробуя на слух особенно поразившие слова, или поддаться соблазну и двинуться дальше, следя за развитием сюжета. Любопытство победило. Дочитав, она поняла, что никакого Александра Ивановича в ее жизни не было и не будет, как не было и не будет шахмат и курорта в Германии. Взрослый потный Лужин был ей

совсем не симпатичен, впрочем, как и его милосердная жена. Но в книге была какая-то тайна, которая тревожила Женечку. Она перечитала роман еще раз. Теперь медленно, находя не увиденные с первого раза скрытые ходы. Мальчик, его одинокое детство – вот, оказывается, что было ей ближе всего. И тетя, эта прекрасная рыжеволосая тетя, троюродная сестра матери, кидающаяся хлебными крошками за обеденным столом, любительница опасных прогулок на допотопных аэропланах, научившая Лужина переставлять шахматные фигуры. «Как могла она полюбить этого ничтожного Лужина–старшего!» – сердилась Женечка. Теперь ей больше не хотелось походить на дикую собаку Динго, она выбрала себе другую героиню: лукавую красавицу–насмешницу, погубившую семью сестры. Но что-то продолжало волновать Женечку. Перечитывать роман в третий раз уже не хотелось, и она просто перелистала книгу. Вот. Нашла. Маленький Лужин прогулял школу, отправившись к тете на Сергиевскую в сливовый дом с голыми стариками, напряженно поддерживающими балкон. Сергиевская? Она видела название этой улицы совсем недавно. Ну да. В книге, которую ей дали посмотреть в мансарде. Это же улица Чайковского. И не странно ли, что оба Ивановичи? «Ну, папы у них были тезками, – попробовала сыронизировать Женечка. – А дом со стариками нужно найти».

Но почему-то не пошла искать, а начала выспрашивать в конторе:

– Лель, у тебя на Чайковского атлантов случайно нигде нет? Ну, знаешь, мужики такие, про них еще песню поют: «Атланты держат небо на каменных руках»?

Леля затянулась сигаретой и эффектно выпустила дым из ноздрей. Рядом сидел Славик, который стал часто заходить в контору.

– Вроде, видала где-то. А тебе зачем?

Женечка неопределенно пожала плечами: мол, да так просто. И тут вдруг Славик оживился:

– Да на Чайковского, 38, ты ж каждый день мимо ходишь. Забыла, што ль?

– А дом этот какого цвета? – попыталась припомнить Женечка. – Сливового?

– Почему сливового? – удивился Славик. – Обыкновенный, серый. На парадной лестнице витражи сохранились. Не везде, правда. Красиво. Пойдем, покажу.

Леля многозначительно переглянулась с Татьяной. Перехватившая этот взгляд Женечка почувствовала какую-то неловкость, как будто ей было предложено что-то не совсем пристойное. Она замялась и вежливо отказалась, сославшись на исключительную занятость. Сохраняя достоинство, Славик потоптался несколько минут над журналом с заявками, поболтал с Лелей и только после этого удалился.

– Жень, он когда тебя провожал, у вас там, это, – начала Таня, – ничего не было случайно? В смысле, девственность-то не потеряла?

– Я ж пьяная была, ничего не помню.

– Так и я про то...

– Проснулась—то хоть в штанах? – подключилась Леля.

– В штанах и под одеялом, только без сапог.

– Ну, тогда я за тебя спокойна, а то думаю, чего это у нас

Славик в конторе груши околачивать повадился, – и подружки дружно хихикнули.

Женечка уже знала эти похабненькие смешки и ловила себя на том, что всегда смеется тоже, как бы за компанию, хотя чаще всего ей совсем не смешно, а, скорее, противно.

Но то, что обе ее подружки переспали в свое время со Славиком, или Владиславом Анутиным, она не знала. Отношения не сложились ни у одной, хотя Славик считался мужчиной приличным и достойным всяческого внимания.

Чтобы успокоиться, Женечка отвернулась к окну, откуда был виден засветившийся подъезд Египетского дома. Что же это за перемена в ее жизни? Отчего больше всего ей хочется сейчас пойти туда, на угол Чайковского и Чернышевского, и найти заветный подъезд? Почему ей больше не интересны разговоры про мужиков с их размерами? И как странно, что она чувствует постоянное присутствие человека, которого видела всего раз. Нужно будет завтра же отнести ему книгу, рассказать о доме рыжеволосой тети и попросить почитать что—нибудь еще из книг этого волшебника Набокова.

Но тот же аккуратный безбородый молодой человек, вежливо встретив Женечку в дверях мастерской, сказал, что Ки-

рилл Иванович в командировке. Ну, недели на две–три.

На 23 февраля в конторе поздравили мужиков с праздником. Женечка подарила Славику теплые носки и набор носовых платков. На 8 марта, обойдя вниманием других девушек, он подарил Женечке флакончик польских духов «Быть может». Обиженные девушки решили собраться у Игнатовой, чтобы узнать подробности развивающегося романа. На все расспросы с подколами Женечка только невинно хлопала глазами и ничего не отвечала, а потом и вовсе ушла на кухню заваривать чай.

– Евреи, не жалейте заварки, – крикнула из комнаты в открытую дверь изрядно поддтая Таня.

И снова Женечка сглотнула обиду и высыпала в чайник весь пакетик грузинского чая.

В комнате Леля с интересом листала «Защиту Лужина», извлеченную из пакета с матрешкой.

– Это у тебя откуда?

– Девочки из техникума дали почитать, – соврала Женя, проклиная себя за неосторожность.

– Дашь почитать?

– Не–а, мне возвращать надо сразу после праздника. Да это про шахматы, тебе будет неинтересно.

– А ты че, в шахматы играешь? – очнулась Таня.

– Ага. Учусь.

– Господи, ей трахаться надо, а она в шахматы играет.

Смотри, прыщами покроешься, Славик любить не будет.

– Надоела ты мне, – вдруг громко и внятно вырвалось у Жени.

В ее голосе и интонации Татьяне слышалось что-то настолько враждебное и угрожающее, что она заставила себя подняться с продавленного дивана, сильно качнулась в сторону приставного столика, но справилась с равновесием и, сделав несколько неуверенных шагов, открыла дверь в коридор.

– Ну че вы, девки, цапаетесь? – попыталась спустить на тормозах назревающую ссору Леля. – Тань, там темнотища, дай я свет зажгу, а то расшибешься спяну.

Но Рогина уже пронеслась по коридору, распинав попавшуюся под ноги соседскую обувь.

На следующий день голова Таньки раскалывалась от перебора бухла накануне. Тошнота накатывала от малейшего шороха. За столом напротив, уткнувшись в наряды, сидела Женька, стараясь не смотреть в ее сторону. Леля болтала с бригадиром Калянычем, уламывая его взять халтуру. Давали мало, и тот не хотел связываться.

– Да мне по х^{*} ю, что он артист, пусть платит, как все люди. Биде его бабе надо, не моей. Этот полтинник сраный пусть себе в жопу засунет и споет: «Пора–пора–порадуемся на своем веку», – скалился Каляныч, демонстрируя редкие зубы.

– Ты за метлой–то следи, – с осуждением, строго ска-

зал Славик. Поглядывая в сторону стола, за которым сидела Женечка, он обсуждал с электриком Обухович содержание «Графини де Монсоро» – книги, уже прочитанной в конторе паспортистками и бухгалтершей.

«Ну все, Славке в библиотечный техникум пора, – Татьяна с тоской слушала про судьбу Шико в пересказе Обухович. – Опохмелить и то некому. Росс бы уже давно бутылку достал, да нет Росса». Тут она, пожалуй, все–таки ошиблась. Появившийся Ванька–Боян быстро распознал маяту во всем ее облике.

– Ну че, голова трещит? – участливо поинтересовался он.

– Что ты, Вань, моргать страшно, в башку отдает, – пожаловалась благодарная за внимание Таня.

– Хлебнуть дать?

– А у тебя есть?

– «Три семерки» в мастерской.

– Не дойду. Неси сюда, будь другом.

Будучи человеком отзывчивым, Ванька маханул на Воинова и минут через двадцать вернулся с бутылем за пазухой. Распивать при всех было все же неудобно. Правда, и ждать пришлось недолго. В минуту короткого затишья, когда работники разошлись, а жильцы с жалобами еще не набежали, Таня приняла чуток из чашки с гравировкой «Ленинские горы». Розовый оттенок окрасил ее бескровные до того щеки. Ваня тоже глотнул для порядка, но вскоре убежал по делам. Рогина успела закурить бело-мор и сладостно выдохнуть за-

тяжку, когда раздался голос Жази:

– Татьяна, зайди ко мне на минуту.

Это еще зачем? – переглянулись девки.

Танька вернулась подозрительно быстро. Сев за стол, она пьяно разрыдалась. Подскочившая Леля захлопнула дверь, а Женечка кинулась к подруге, забыв все обиды.

– Да что случилось–то?

– Сука она поганая. Как я людям в глаза смотреть теперь буду? – начала Таня. – Помните, зимой у меня на Воинова жилплощадь освободилась, мужика посадили, а родственников у него не было?

– Ну...

– Так я эту комнату просила у Жази для знакомых. Хорошие ребята, муж и жена, молодые. Из Армении. Жить негде. Денег много. Я от них в конверте пятьсот рублей ей отнесла. Она мне и говорит, пусть живут, никому эта комната не нужна. А тут – на тебе, пусть срочно съезжают. И глаза в сторону. А как мне им сказать? Они и двух месяцев там не прожили. Еще подумают, я себе эти деньги взяла, а я ни копейки, честное слово. А то, говорит, с Костырко их придется выселять.

– Да ладно тебе. Сама говоришь, у них денег много. Не обеднеют. Ты за них не беспокойся, Таня. Нервы береги. Хочешь, я с Костырко схожу на выселение? Он черножопых не любит, – жестко высказалась Леля.

«Ничего себе, – обалдела Женечка, – так вот, как она уме-

ет», – но про черножопых промолчала. А что тут скажешь, она, может, сама для Лели черножопая. И чувствуя, что ей не хватает смелости на праведное возмущение, перевела стрелку:

– А пусть Жази деньги отдает, раз она ребят этих выселяет. Взятку–то она приняла. За это и сесть можно.

– Ну ты че, Женька, издеваешься, что ли? Я ж ей эту взятку сама отнесла. Я и сяду. Не, пойду к ребятам и все скажу как есть. Неудобно–то как. Им и вправду жить негде.

– Так пусть домой едут, в Ереван, по месту прописки. Нехер тут всякой сволоте ошиваться, – продолжила тему Леля. – Ты на Ольгу не кати, ей в исполком отчитываться надо по свободной жилплощади. Может, комнатка эта кому из соседей приглянулась, они и стукнули. У меня на Чайковского люди убиваются за освободившуюся площадь. Тут и неделя не прошла, как завмагом съехал, а за его квартиру исполком с райкомом в драку. Смех и грех смотреть. У меня этих отъезжающих знаешь сколько? Навалом. Ольга сразу звонит куда надо. А так кто бы ей солдатиков–то присылал на аварийные работы, да и вообще...

Заметив удивление на Женечкином лице, Леля вовремя остановилась.

– А почему у меня отъезжающих на участке нет? И куда они уезжают?

– Жень, так на Каляева одни поганые коммуналки. А евреи твои уезжают в Израиль. Ты че, не знала?

– Не знала. У меня, между прочим, мама русская. Живет в коммуналке на Моховой. И евреи не мои, Леля, – с легкой вибрацией в голосе отозвалась Женя.

– Да ладно вам, девки, – Рогина явно почувствовала себя лучше под словесный шум, извергаемый подругами, а после обеда, приняв сухого из все той же чашки с «Ленинскими горами» на боку, и вовсе успокоилась.

Одно хорошо на этом свете: неизменное чередование времен года. В конце марта настала – таки пора весны. Снег и сосули, столь ненавистные работникам жилищно-коммунальных услуг, наконец стаяли. Лед на Неве почернел и местами проломился. От страшных морозов остались дурные воспоминания да дыры в бюджете треста. По всем расчетам, Кириллу Ивановичу пора была возвращаться из командировки. И он вернулся. Женечка столкнулась с ним у дверей Египетского дома, возле которого появлялась теперь довольно часто по всяким делам, а чаще всего просто чтобы поразглядывать узоры со скарабеями или солнечными дисками. Ей показалось, что Кирилл Иванович тоже обрадовался этой встрече, во всяком случае, начал оживленно расспрашивать о всяких ее делах, что предполагало наличие у него хорошей памяти.

– Да, мне нужно вернуть вам книгу, – напомнила Женечка.

– Какую книгу? – удивился Кирилл Иванович, забыв та-

кую важную для нее подробность. – Ах, эту! – да-да-да! Принесите, конечно. Понравилась? Ну и прекрасно.

Днем позже, усаженная в то же кресло с чашкой чая знакомого аромата, Женечка рассказывала о доме с атлантами, где жила рыжеволосая тетя, правда, совсем не стариками, а довольно молодыми бородатыми мужчинами, поддерживающими балкон.

– Но мальчику они ведь могли казаться старыми, правда?

Кирилл Иванович выслушал с большим вниманием. Он не помнил «Защиту Лужина» и вряд ли собирался ее перечитывать, но Женечка нравилась ему все больше.

– Хотите почитать что-нибудь еще?

И вынес другую книжку, вернее, распечатку с домашне-уютным названием «Софья Петровна».

– Это самиздат. Знаете, что это такое? Какие-то люди книжку перепечатали, и видите, как славно переплели. Читать быстро и никому не показывать. На всякие вопросы отвечать – нашла.

Женечка закивала, прижимая новый пакет к груди. Хорошо, что он не был ярко-желтого цвета, на который клюнула любопытная Леля.

«У меня зазвонил телефон. Кто говорит? – Слон». Дедушку Чуковского Женечка помнила с детства. «Откуда? От верблюда...»

Лидия Чуковская была ей неизвестна. Забившись под одеяло, она за один вечер прочла «Софью Петровну», перечитывать этот ужас не стала. Вопросы застучались в ее бессонную голову. Как же так? Где были школьные учителя с перерегибами и головокружением, с поднявшейся целиной и закаленной сталью? Какой загадочный географ разместил ее жизнь между Воинова и Каляева, по обе стороны Большого дома? Мрачные их подворотни она знала и так. Но откуда ей было знать про прячущихся в подъездах на Воинова печальных составительниц бесконечных списков да про очереди, огибающие гранитный куб? Нет, что-то она припоминала из уроков в техникуме. Двадцатый съезд и преодоление последствий. Но ведь преодолели же, а иначе как там со строительством коммунизма? «Это мы-то с нашими смывными бачками коммунизм строим?» – опомнилась Женечка. Кто же ей скажет правду?

Ну конечно, знала, Женечка. Моего братика, твоего дядю, арес товали в Свердловске. Он там в институте учился. Не помню в каком, я тогда маленькая была, да и он сам мальчишкой был. Твой дедушка, мой папа, то ли в Свердловск ездил, то ли в Москву. Котика и след простыл. До нас не добрались, мы и так на краю земли жили, но бабушка очень боялась, что в школе про все узнают. Нет-нет. Мне никто и слова такого не сказал. А уж потом, когда мы с Миркиным поженились, дедушка письмо получил про Костика: «Реаби-

литирован посмертно».

Женечка вытащила семейный альбом. Вот он. Котик—студент. Последняя фотография, наверное, присланная дорогим родителям на память. Бритая большая голова, рубашка с пуговками.

Да что рассказывать? Я сама в этом мало что понимала. Комсомолка активная. В волейбол с мальчиками играла, песни пела. Когда Сталин умер — плакала. Так все плакали. Да и Котика, знаешь, как—то забывать стала. Вот помню, как брюки ему гладила. Сама вызвалась. Ему на свидание с девушкой бежать, уютюг чугунный, тяжеленный, а мне лет десять. Старалась я ужасно. Надевает он брюки, а стрелки сбоку хорошо так проглажены. Он в крик, я в слезы. Брюки—то одни, других не было. А не помню... Кажется, мама подскочила. Перегладила.

Женечка листает альбом дальше. Бравый лейтенант Миркин в фуражке слегка набок.

Как зачем? Он же твой папа. Видишь, красавец какой. Может, ты его простишь, своим деткам будешь фотографию показывать. Вот он был страшно идейным. Мы когда в офицерской общаге жили, к нам часто гости приходили. Посидим, выпьем, потанцуем, тогда патефоны еще были, да и разойдемся. Дети у всех маленькие. Так Миркин наш меня спать гнал, а сам садился что—то писать с таким, знаешь, серьезным выражением лица. Мне же любопытно было, вот я один раз и подглядела: это он донесения в Особый отдел писал.

Мол, кто приходил, что говорил. Я ему по простоте своей говорю: Левушка, как же ты можешь, они же все твои друзья, а он как закричит: «Молчи, дура! Не смей никому говорить!»

Так вот ты какой, лейтенант Миркин. Нет, князь Василий доносов не писал. Ты – подлец Ромашов и не дождешься моего прощения.

Ну что ты плачешь, Женечка, все это давно прошло. Жизнь налаживается. Как–никак. Потихоньку. Не смей этого при мне говорить. Я евреев люблю. Ну и что? Уезжают – и уезжают. Может, потому и уезжают.

Теперь, попав во встречный поток людей из дома на Литейном, Женечка пыталась разглядеть их лица. Лица не запоминались, вернее, все казались одинаковыми. Проходя мимо тяжелых дверей, она замедляла шаг и, если дверь открывалась, пыталась ненароком заглянуть внутрь. Дверь захлопывалась, и что там за ней скрывалось, оставалось неизвестным. Очередей вокруг дома не было, только на углу одиноко торчал постовой. Атланты и скарабеи больше не тревожили Женечкино воображение. Кирилл Иванович опять куда–то уехал. Кто еще мог знать об этом зловещем месте? И тут выяснилось, что Марьяша может кое–что рассказать о доме на Шпалерке. Прочищая с водопроводчиками засорившийся люк на Робеспьера, она вдруг вышла к гранитной набережной, постояла там несколько минут и, вернувшись, сказала:

– Лед пошел по Неве. Слышь, мужики, а говорят, под ре-

кой проход прорыт враз от Крестов до Большого дома.

– Так это когда было, его уж засыпали давно, – авторитетно откликнулся Каляныч. – А я вот слышал, что Большой дом вниз идет на столько же этажей, сколько у него наверху.

– Про этажи не знаю, не буду врать. А мельница у них есть. Электрическая. Мне монтер один рассказывал. Она у них там трупы перемалывает. Вот говорят, человек пропал, а он у них. Они его перемололи и в Неву по трубе спустили.

«Господи, да что это она говорит такое?» – изумилась Женечка, заскочившая во двор узнать, не надо ли чего в помощь.

– У ей сын в Крестах второй месяц сидит, – шепнул Ванька.

– По пятьдесят восьмой?!

– Не знаю, какая такая пятьдесят восьмая, – пожал плечами Боян. – Вроде драка... И вдруг протяжно заголосил: – Литейный, четыре. Четвертый подъезд. Здесь много хороших посадочных мест.

– Да ну тебя, балабол, – сплюнул Каляныч.

Настроение у Марьяши было плохое. После обеда она долго сидела в конторе, даже не заглянув в журнал заявок. Лелька, проведавшая про ее беду, обещала достать мясную тушенку в железных банках для передачи в Кресты.

– Боюсь, бьют его там, – пригорюнилась Марьяша.

Ее седые лохмы торчали во все стороны из-под сбивше-

гося платка. Грустные, какие-то собачьи глаза смотрели на мир в робком ожидании сочувствия.

– Кто, сокамерники? – тихо спросила Женечка.

– Мусора. Им надо дело закрывать. Навешают на него, чего не было.

– А про Большой дом и трупы с мельницей – это правда?

– Вот не знаю, девка. Много всего болтают. Я тебе что скажу, в войну-то в блокаду нас с сестренкой эвакуировали зимой сорок первого. Так вот, Каляева, где мы жили, только поближе к Таврике, фрицы бомбили да обстреливали, а в Большой дом ни одной бомбы не попало. Почему так? Говорят, там немцев пленных держали, вроде как заслон, чтоб по своим не били. Мы когда из эвакуации вернулись, тут все вокруг разворочено было, а Большой дом как стоял, так и стоит. Вот так-то.

Женечка еще бы чего послушала из Марьяшиных рассказов, да к телефону позвали техника-смотрителя Евгению Львовну. Услышав в трубке знакомый голос Кирилла Ивановича, она тут же зарделась от радости, но, соблюдая конспирацию, деловым тоном обещала зайти и посмотреть потолок.

– Ну все, – притворно вздохнула Татьяна. – Плохи дела у нашего Славика. С художниками ему не тягаться.

– Ну ты что, Тань. Причем тут Славик? Я ж по делу...

– Во-во, ты там между делом поинтересуйся, сколько его внучке годиков, – тут же вставилась всезнающая Леля.

– Да ну вас.

Когда Женечка сердилась на подруг, она отворачивалась к окну и смотрела на безучастных фараонов, охраняющих подъезды теперь так ею любимого дома. Девки уткнулись в какие-то свои бумаги, а Марьяша, почувствовав потерю интереса к свалившимся на ее голову бедам, подхватила сумку с инструментами и ушла.

Усевшись в кресло напротив, Кирилл Иванович слегка возбужденно рассказывал Женечке о своей поездке в Монголию. Вернее, сначала в Москву, а уже оттуда с кем-то из министерства культуры – в Улан-Батор. Проект музея Ленина утвержден и согласован. Деньги переведены. Впереди работа. Он безостановочно говорил что-то еще, но Женечка не слушала, а только делала вид. Поглядывая на этого энергичного человека в очках, с залысинами и брюшком, нависшим над джинсами, она думала о том, что он и вправду годится ей в отцы. «Назову его папой Карло», – улыбнулась про себя она. Промелькнувшую на лице Женечки легкую улыбку Кирилл Иванович истолковал по-своему: он потянул ее за руку и усадил к себе на колени.

Чувствовать себя маленькой и беззащитной, когда рядом кто-то большой и сильный, было непривычно. Папа Миркин никогда не сажал Женечку на колени. Она вообще с трудом и неохотно вспоминала его. «Кажется, был такой фильм «Девочка ищет отца», может, я как раз такая девочка». И все же

что-то говорило ей о том, что жест Кирилла Ивановича был не совсем отеческим. Возникла неловкая пауза, которую она поспешила заполнить.

– Спасибо за «Софью Петровну». Ужас какой там написан. Я, конечно же, не имела обо всем этом ни малейшего представления.

– Локоток свой остренький убери, пожалуйста, с моего плеча, – усмехнулся папа Карло. – Запомни, я никогда не сделаю того, чего ты не хочешь. Так что там про «Софью Петровну»? Ужас? Ну да, ужас. Но с этим нужно жить.

Женечка пересела в кресло и приготовилась разговаривать с безопасного расстояния. Некоторое фиаско не обескуражило Кирилла Ивановича. Поправив очки, он по-прежнему с отеческой нежностью и как бы посмеиваясь посматривал на девушку.

– Я дал вам почитать настоящую русскую литературу. Это ведь не то, что вы проходили в библиотечном техникуме, да? Но я совсем не диссидент какой-нибудь. Нужно, чтобы вы это поняли.

И, заметив ее вопросительный взгляд, пояснил:

– Это диссиденты у нас активные борцы с властью, а я нет. Вот такое я говно, член Союза художников. Не левый, а правый. Ленина рисую. Со мной тут еще тридцать человек – приспособленцев, или, как сейчас модно говорить, – конформистов. У меня это наследственное: папенька мой тоже вождей рисовал.

– И у вас в семье никто не пострадал? – с вызовом перебила его Женечка.

– По художникам тоже прошлись, милая моя, но моя семья отделалась легким по тем временам испугом. Нет, конечно, разборки всевозможные были с обвинениями в формализме и еще какой–то бред, но никто не был арестован, сослан. Никого не пытали и никому не выбивали зубы. Боятся, думаю, боялись. Хватали тогда многих. Вы уже про это знаете. Что, разочарованы?

Женечка не знала, разочарована она или нет. Ей показалось, что все сказанное Кириллом Ивановичем относилось как бы даже не к ней, а было продолжением спора с кем–то другим. Ей спорить было не о чем. Поэтому она тихонько покачала головой: нет, не разочарована.

– Ну, а поэзию вы любите, техник–смотритель Игнатова? Кто ваши любимые поэты, к примеру? – поспешил сменить тему Кирилл Иванович.

– Ну–у... Маяковский, Есенин.

«Не говорить же ему, что Некрасов», – другие имена не шли ей в голову.

– А из современных?

Тут пришлось пожать плечами.

– Роберт Рождественский и этот... Асадов.

– А такое имя – Елена Шварц – слышали? Наша соседка, между прочим. По–моему, так одна из самых замечательных современных поэтесс. Вот звала меня на свое чтение, но я,

скорее всего, не смогу, а вы сходите. Это как раз тут за углом Чернышевского, 3. Знаете адресок?

Еще бы не знать. Пойти, конечно, захотелось. Мирно попив чаю и угостившись дефицитной конфетой «Птичье молоко», Женечка заторопилась домой. На этот раз ей ничего не было предложено почитать, а попросить она не осмелилась. Зато, прощаясь с папой Карло, она решила чмокнуть его в щеку.

Двухэтажный дом с мансардой за номером три по проспекту Чернышевского давно считался аварийным. Жильцов расселили, а в освободившиеся квартиры свозили всякий хлам, типа никому не нужной мебели, оставшейся после умерших старушек. Вода и электричество там были отключены, и, скорее всего, поэтому никто не покушался на пустые комнатенки с окнами в подтеках, ключи от которых хранились у Ольги Павловны. «Все–таки странно, что она разрешила там какие–то чтения, – слегка недоумевала Женечка. – Неужели ей и тут заплатили?» Всегда энергичная Леля как–то вяло отреагировала на сообщение о поэтическом чтении в соседнем доме, а Татьяна и вовсе сказала, что ей наплевать. Зато у Славика неочи данно проявился интерес к поэзии. Женечка столкнулась с ним на углу Воинова и проспекта Чернышевского.

– Ты это, возьми меня на чтения. Хочу послушать, – сказал он, глядя куда–то в сторону поверх Женечкиной головы.

– Так ты что, любишь стихи? – почему–то обрадовалась та.

– Ну–у–у... Маяковский был мужик нормальный. Мне его стихи еще в школе нравились.

Вот так выяснилось, что в жилконторе есть человек, с кем можно поговорить о чем–то кроме пищевых отходов и засоров унитазов.

– Тут, на углу, между прочим, церковь была Всех Скорбящих, – зачем–то сказала Женечка, но из осторожности не у помянула Самсона Вырина, почувствовав, что может перебраться с эрудицией.

– Так я знаю, – достойно принял информацию Славик. – Зимой к ним ходил воздух травить. Потолки там высоченные, холодно, как на улице. Ихняя научная сотрудница мне про церковь эту рассказала. У них там общество по охране памятников.

Женечке стало немного неловко. И с чего она решила, что знает больше, чем Славик?

«Не высокомерничай», – говорила ей мама. «Больше не буду», – мысленно пообещала она кому–то.

На вечер поэзии Славик пришел в джинсах и вельветовом пиджаке с аккуратно торчащим из нагрудного кармана носовым платочком, подаренным ему Женечкой на 23 февраля. На ней был костюмчик, пошитый из двух маминых платьев, и любимые югославские сапоги.

К тому же она накрасила ресницы и мазнула за ушками из бутылочки духов «Быть может». Лица у обоих вытянулись, когда они вошли в небольшую комнату, забитую публикой. Люди, одетые как попало, сидели на полу или стояли вдоль стен. Завернутые в шали дамы перемежались с девушками в джинсах и молодыми бородатыми людьми в свитерах. Несмотря на ужасающую духоту, обстановка была непри-
нужденной и шумной. Кто-то пытался открыть окно, возле которого стояла худенькая поэтесса в одеянии бледно-фиолетового цвета. Она казалась маленькой феей с подрагивающей искусственными крылышками брошкой-бабочкой на плече. Женечке удалось примоститься на краешке скамейки, неизвестно как попавшей в комнату. Славик подпер стену рядом.

Сначала какой-то молодой человек с лысиной и бородой говорил о творчестве талантливого поэта Елены Шварц. Говорил он долго и совершенно непонятно для Женечки, не имевшей ни малейшего представления о православии и экуменизме. Похоже, Славiku приходилось еще труднее справляться с обилием незнакомых слов. Уже через несколько минут он начал потихоньку переминаясь с ноги на ногу и отвлекать Женечку. Она недовольно зыркнула в его сторону. На какое-то время Славик замер. Легкий шумок нетерпения заставил говорящего покончить с экуменизмом и дать слово поэтессе. Елена Шварц начала читать поэму про монахиню Лавинию. Слова летели просто и слегка нараспев, вместе с

ними в переполненную комнату слетелись ангелы с херувимами, аббатисы–будды, левиафаны–волки и вся прочая сказочная нечисть. Шварц читала наизусть, иногда заглядывая в какие–то листки и поднимая руки ладонями к слушателям. Слушали чутко, в душном воздухе разлилось обожание, передавшееся Женечке. Впрочем, довольно быстро она устала и потеряла нить. Сосредоточиться на стихах никак не удавалось, какой–то человек, стоявший неподалеку, отвлекал ее внимание. Было что–то знакомое в его облике: невысокий рост, подтянутая фигура, неопределенные черты лица. Про такие лица Женечкина мама говорила: простое русское. Оно явно выделялось на фоне всех других. Молодой человек стихов не слушал. Он скользил внимательным взглядом по людям, сидящим на полу, словно пытаясь их запомнить. Почувствовав на себе упорный взгляд Женечки, он посмотрел в ее сторону и тут же отвернулся. «А я тебя узнала, – Женечка не переставала следить за гэбэшником. – И что ты тут вынюхиваешь?» Рядом зашевелился Славик. Ему до смерти хотелось перекурить. «Конечно, иди», – отпустила его Женечка. Она и сама устала то ли от переизбытка впечатлений, то ли от духоты. Где–то через час история монахини, летавшей перед богом, завершилась. Благодарная публика разразилась аплодисментами, кто–то окружил поэтессу. Небольшая толпа заспешила к выходу. В суматохе обладатель простого русского лица затерялся. Женечка немного замешкалась и тоже вышла из душевной комнаты под арку, где ее ждал

обалдевший Славик.

– Че–то я мало че понял, – с ходу сознался он, – но было интересно.

– Ой, да. Мне понравилось, хотя тоже не все было понятно. А скажи, ты гэбэшника там не заметил?

– А как же. Первым делом. Он же почти напротив меня стоял и глазами по сторонам шарил. Я их сразу распознаю.

– Как это? Откуда ты их знаешь?

– Так из каждого унитаза на меня смотрят проницательные глаза майора Пронина. По глазам и узнаю.

– Да ну тебя! – и Женечка легко и беззаботно рассмеялась, забыв спросить, что же этот человек с проницательными глазами мог делать на поэтическом вечере.

Вопреки всем тайным ожиданиям, Славик распрощался сразу же у парадной ее дома. Душа разочарованного техника–смотрителя взлетела на четвертый этаж, опередив неторопливый лифт, поднимавший ее худенькое тело. На кухне зайки, как всегда, что–то поедали из одной тарелки. «Вот такой у нас э–ку–ме–низм», – вздохнула Женечка. В коридоре было темно. Также как всегда. Пока ключ тыкался в замочную скважину, из кухни доносился голос Ирки: «Я ошла–га–то стирала, стирала...»

– Кто хочет разговаривать, тот должен выговаривать все правильно и внятно, чтоб было всем понятно, – крикнула Женечка в темноту коридора и захлопнула дверь в свою комнату, где почему–то горько расплакалась, размазывая тушь

по щекам.

Ну во-о-от... Рыжеволосые тети так не плачут, так плачут молодые девушки по непонятным им самим причинам. Что-то вторгалось в жизнь Жени Игнатовой, и ей нужно было как-то совладать с предчувствием перемен. Кто тут мог помочь?

Вот и хорошо. Проходи, доченька. У меня на кухне макароны по-флотски греются. Хоть покушаешь. Совсем не ешь, наверное. Кожа да кости. Садись туда, нет, на диван, а то ты мне телевизор загораживаешь. Сейчас будет «Кабачок "13 стульев"», я люблю их смотреть. Смешные. А ты обратила внимание, там нет ни одного приличного мужчины. Нет, Ширвиндт мне не нравится. Лицо наглое, да и не мужественный совсем. А знаешь, Надя Дьякова нашла себе старичка. На каталке его катает. Кресло такое с колесиками, сам он ходить не может: совсем старенький, немощный. Прописал ее в свою однокомнатную квартиру. Так за квартиру она согласна и дерьмо подтирать. А мне старички не нужны. У меня последние годы проходят.

Пока мама на кухне, Женечка пытается найти в комнате приметы проживания очередного претендента. Примет нет никаких, но возле дивана стоит новый чемодан. Почему-то пустой. И что бы это означало? Макароны поджарены с корочкой. Очень вкусно. Дальше чай с мармеладом из коробочки. Еще есть шоколадный торт. Только один кусочек,

пожалуйста.

А я уезжаю на Север, в Гремиху. Ну что ты на меня так смотришь? Вот завербовалась на три года и уже сдала эту комнату со всей мебелью. Семья вроде приличная. Ты за нами приглядывай тут, ладно? Как зачем, Женечка? Там демография знаешь какая? Женщин меньше, чем мужчин. Можно сказать, дефицит.

Это же морская база. Подводники. Я и одеяло теплое купила.

Закатаю как-нибудь, а то в чемодан не лезет.

Женечка молча слушает, глядя в стареющее лицо мамы:

– Все никак не угомонишься. Там же все женатые. Ты что, поедешь офицерские семьи разбивать?

– Почему разбивать? Ну почему ты такая жестокая, Женечка?

Потому что Женечке самой больно. Потому что ей всего двадцать один год и она ничего не понимает в жизни, обрушившейся на нее.

Весна на улице Каляева ничем не отличается от весны на любой другой улице. Те же робкие росточки, тянущиеся к еще холодному солнцу, замерзшие по утрам лужицы, те же дворники в замызганных куртках, разгоняющие метлами голубей. Днем нагретый солнцем воздух поднимается над оттаявшей землей. Можно увидеть его дрожание и замереть от неожиданного явления красоты в скучном ленинградском

дворе–колодце. Таврический сад закрыт на просушку. Он прозрачен и безлюден в ожидании тепла и цветения.

– А что, обязательно надо выходить замуж?

Девушки из жилконторы сбегали на «Влюблен по собственному желанию» в кинотеатр «Ленинград». У техников–смотрителей затишье. Даже телефон не звонит. Через коридор слышно, как переговариваются паспортистки. Ольга Павловна сидит в своем кабинете. До приема еще час с лишним.

– Готовить ненавижу, шить не умею, – Таня, слегка махнув рукой, погасила спичку, от которой прикурила папиросу. – Детей рожать не хочу. Кому я такая нужна? Трахаться я и так могу, без штампа в паспорте.

Женечка задумалась: а она–то хочет замуж? Если хочет, то за кого? За Кирилла Ивановича или Славика? Кирилла Ивановича можно взять в папы, но она ему нравится, и это ей приятно. Она улыбнулась скрытой, направленной куда–то вовнутрь улыбкой. Так улыбается женщина, знающая силу своей власти над мужчиной.

– Игнатова, зайди–ка ко мне на минуту, – прервал приятные воспоминания голос Жази из кабинета.

Ольга Павловна показала Женечке на стул у письменного стола, где обычно сидят посетители. Роскошные волосы сегодня у нее собраны узлом на макушке. Голубые глаза ничего не выражают. «Рыбы», – подумала Женечка.

– Тут с тобой кое–кто хочет поговорить.

Начальница встала из–за стола и, прихватив связку ключей, выплыла за дверь.

– Да кто хочет–то? Что за дела?

На Женечку накатила какая–то необъяснимая нервозность, мешающая ей подумать, кому могло понадобиться встречаться с ней в кабинете начальницы.

Довольно скоро дверь открылась и небольшого роста человек с дипломатом торопливо прошел к столу и уселся на место Ольги Павловны.

– Евгения Львовна Игнатова? Будем знакомы, – перед лицом Женечки мелькнуло красное удостоверение с фотографией. – Старший лейтенант КГБ Сергей Афанасьевич Привалов.

– Очень приятно, – зачем–то сказала Женечка, хотя приятно ей совсем не было.

«Так вот вы какие с близкого расстояния», – подумала она, глядя в упор на кагэбэшника. Веснушки на рябоватом лице, редкие волосы, прикрывающие намечающуюся лысину, цепкие глаза, рассматривающие ее с не меньшим интересом, чем она его.

– Как вы думаете, по какому поводу я с вами встречаюсь? – начал Привалов.

Женечка только пожала плечами. Напротив нее сидел не тот человек, которого она видела на поэтическом вечере Шварц.

– Не волнуйтесь. Я просто хочу познакомиться с вами поближе. Вы девушка интеллигентная, начитанная. Не скучно вам с дворниками да с водопроводчиками общаться? Что привело вас в жилищное хозяйство?

«Вот тут осторожно», – пронеслось в Женечкиной голове.

– Жилплощадь служебная. Что же еще? Но коллектив у нас хороший, дружный. Работа мне нравится. Много времени провожу на воздухе. У нас район красивый. Так что все в порядке, товарищ... э–э–э... простите, фамилию не успела разглядеть.

– Зовите меня Сергей Афанасьевич, – мягко усмехнулся Привалов.

Женечке показалось, он не поверил ни одному ее слову.

– Я знаю, зима у вас всех была тяжелая. Много по адресам пришлось ходить. У вас ведь есть на участке арендаторы? Нежилого фонда много, насколько я знаю. Да, Евгения Львовна?

– Ой, да. Намучились мы, но, слава богу, управились. Ольге Павловне досталось больше всех, – Женечка подробно, как могла, рассказала о ребятах из стройбата и трубах на чердаке Египетского дома. Привалов терпеливо и не прерывая выслушал.

– И арендаторы пострадали?

– Ну да. Художников в мансарде заливает каждый год. Я к ним два раза ходила. Потолок им отбили. Ремонт крыши в плане на лето. А что?

– Значит, вы с ними подружились, – улыбнулся Привалов.

«У него веснушки даже на руках», – совсем некстати пронеслось в голове Евгении Львовны. У нее вспотели ладони.

– Ну, а когда не работаете, чем занимаетесь?

– В кино хожу, книжки читаю. Вот на вечер поэзии недавно ходила. А что?

– Книжки из библиотеки берете?

«Бля–я–я!» – кажется, поняла, в чем дело, Женечка.

– Конечно. Иногда мама подкидывала кое–что почитать, да она уехала на Север.

– Запрещенную литературу не читали? – Привалов в упор уставился ей в лицо.

– Да откуда?

– Ну, может, давал кто–нибудь.

– Нет. Никто мне ничего не давал.

– А скажите, Евгения Львовна, с иностранцами вам не доводилось общаться?

– С иностранцами? Откуда у нас иностранцы? Если только шведки, причем третьего размера.

Волна легкого недоумения прокатилась по лицу старшего лейтенанта.

– Какие–какие шведки?

– Ну, эти... – Женечка покрутила рукой, в которой как бы были зажаты шведки.

Сергей Афанасьевич заморгал с каким–то облегчением.

– А вы шутница, Женя Игнатова, – продолжил он уже

слегка игриво. – Я даже сразу не понял, что за шведки такие. Характер у вас веселый, да? С людьми быстро сходитесь... Симпатичная девушка, много друзей.

Некоторое время разговор крутился вокруг того, какая она замечательная комсомолка и ответственный работник. Тут Сергей Афанасьевич явно перебирал, и Женечка в напряжении ждала перехода к главному. Должен же он был явиться в контору с определенной целью. Идти, правда, ему было недалеко.

– Ну, а с Краснопольцевым Кириллом Ивановичем вы хорошо знакомы?

«Вот оно!» – пронеслось в голове Женечки.

– Знакома, он же у тех художников главный. Помните, я вам рассказывала про протечки в их мансарде. Видела его пару раз. Приятный дядечка такой.

Сергей Афанасьевич решил, что пора переходить к делу:

– Он вас, кажется, в гости приглашал чайку попить. Вам там понравилось, да?

Женечка пожала плечами. Ничего, мол, особенного.

– А что–нибудь интересное там видели?

– Макет у него на столе стоит. Они проектируют музей Ленина в Улан–Баторе. И вообще, они правые – приспособленцы и конформисты, – голос Женечки задрожал, выдавая волнение.

– Приспо–о–собленцы, – потянул Привалов. – Это даже мне интересно, к чему это они приспособливаются?

Поняв, что совершила ошибку, Женечка попыталась ее исправить:

– Они не какие–нибудь левые, они за нашу советскую власть. Ленина рисуют.

– Так это хорошо, Женя. Вы не волнуйтесь. Вот и помогите нам разобраться в том, что они действительно за советскую власть, а не приспособленцы, как вы сами только что сказали. Нам и нужно от вас совсем немного. Когда к Краснопольцеву в гости пойдете, внимательно по сторонам поглядите. Мне от вас только это и нужно, Женя, я ведь вас в агенты контрразведки не вербую, – доверительно усмехнулся Привалов. – Просто внимательно смотреть и запоминать. Не так уж и сложно, правда? А потом мне при встрече рассказывать. Согласны? Вы же комсомолка, Игнатова Женя. У вас вся жизнь впереди, вам жилплощадь нужна. Замуж выйдете, детей нарожаете. Наша молодежь, одним словом.

– Двумя словами, – машинально поправила его Женя, в ужасе поняв, что не может встать и сказать ему «нет». Непонятный страх почти парализовал ее. Сглотнув, она смотрела в ставшие вдруг жесткими глаза. Помолчав минуту, словно ожидая ее ответа, он продолжил:

– Вот и хорошо. Я знал, что вы меня правильно поймете. О нашем разговоре никому рассказывать не рекомендую. Встретимся через пару недель. Я вам позвоню где и когда.

Выйдя на ватных ногах из кабинета начальницы, Женечка кинулась к своему месту, схватила пальто и выскочила на

улицу Каляева. «Я даже пожала ему руку, – стучало у нее в голове. – Кому? Кому я пожала руку! Что мне делать? Я не могу его видеть. Что же мне делать?» Добежав до конца улицы, она остановилась отдышаться. Вокруг, как всегда, торопились прохожие. Пригревало апрельское солнышко. Постовой на углу Каляева и Литейного не спеша прохаживался у бокового подъезда Большого дома. Мир не перевернулся. Никто даже не заметил, что происходит с Женечкой, не обратил на нее внимания.

«Почему я сразу не отказалась? Чего я боюсь?» – Женечка повернула и торопливо засеменила назад. Возвращаться в контору она не могла. Не могла встретиться взглядом с рыбьими глазами начальницы, не могла слышать Лелин голос с хрипотцой.

«Это Леля! – осенило Женечку, – Леля, Леля, Леля!» Ноги принесли ее к дверям Египетского дома. Грохот дверцы лифта больно отдался в затылке.

– Да что с тобой, Женечка? Ну–ка, посиди, пока я тут разберусь с делами.

Кирилл Иванович усадил ее в знакомое кресло. Она машинально выпила принесенного кем–то чаю, заметив, как дрожит рука, держащая чашку. Ждать пришлось довольно долго, но это помогло немного успокоиться. Шок проходил, зато разливалась странная усталость. Сейчас было трудно даже говорить.

– Так что случилось?

Милые, любимые глаза из–под очков.

– Мне только что предложили доносить на вас, Кирилл Иванович.

– Ну, а ты что?

– Я не сказала «нет», я ничего не сказала! Я просто испугалась, – Женечка тихонько заплакала.

– А–а–а! Ну что ты так убиваешься, девочка? Наша местная стукачка уходит в декрет, им срочно нужна замена. Успокойся, пожалуйста.

Он снова посадил ее к себе на колени, и на этот раз Женечка не вырвалась, а уткнулась ему в плечо лицом, по которому текли слезы.

– Как же так? – залепетала она. – Вы же Ленина рисуете... Не какие–нибудь левые...

Кирилл Иванович погладил ее по голове.

– Ты про книги ему говорила? Про самиздат?

– Нет. Он спрашивал про запрещенную литературу. Я сказала, что ничего не читала и никто мне ничего такого никогда не давал. Но я вспомнила, – Женечка выпрямилась. Ее лицо почти касалось лица Кирилла Ивановича, – Леля видела у меня Набокова, даже просила почитать. Она знает, что у вас есть внучка.

– Скажи пожалуйста, какая осведомленная. Это которая же Леля? Длинная такая? Она у нас тут была, мне она не понравилась. Если это Леля ваша стукнула, почему он не стал

напирать на тебя? Это же их обычная тактика. Кто дал да откуда взяли.

– Может, он не хотел, чтобы я на нее думала?

– Не знаю, девочка. Так что ты будешь делать? В принципе, к нам можно приходить чай пить. Я не против. Будешь им докладывать, что и как.

– А книги?

– Нет никаких книг. Ничего нет.

– Не могу я видеть этого человека, встречаться с ним, доносить на вас. Нет. Не могу, – слезы снова потекли по Женечкиному лицу. – Придумайте, что мне делать. Мне больше никто не поможет. Мама уехала, да она бы только испугалась и ничего не смогла бы придумать.

Рука продолжала гладить ее голову. Кирилл Иванович молчал.

– Слушай, – наконец сказал он, – а этот, как его, гэбэшник, говорил тебе, чтобы ты никому не рассказывала о его предложении?

– Да, уже в самом конце. И я промолчала, вроде как согласилась. Я испугалась. Я почему–то очень его испугалась.

– И не такие, как ты, пугались, детка. Не убивайся. Машина–то эта страшная. Все косточки переломает, изжует и выплюнет. Давай сделаем так: ты всем на работе расскажешь о его предложении. Пусть все знают. В КГБ не любят огласки. Ладно? Это ты сможешь? А потом будет видно, что делать. Жизнь они тебе, конечно, испортить могут, но тут ты уж са-

ма должна выбирать.

Женечка обрадованно закивала и в каком-то неожиданном порыве благодарности кинулась целовать лицо человека, только что выручившего ее из беды. Кирилл Иванович снял мешавшие очки и дотронулся губами до ее губ. Женечка не испугалась и не отпрянула, а доверчиво потянулась губами, продолжая поцелуй. И было в этом первом поцелуе что-то незнакомое и взволновавшее ее настолько, что страх отступил и забылся.

– Так и сделаю. Я больше не боюсь, – тихонько выдохнула она.

Дома Женечка не включила свет в комнате и не закрыла шторы. С дивана ей видна жизнь людей напротив. Немое кино. Кухня. Пара соседок у плиты. Возле них крутится ребенок. Упал. Мама берет его на руки, что-то говорит. Входит мужик в майке и трениках. Закуривает. У них ничего не происходит. Все происходит в темной комнате Женечки, зажатой стенами двора-колодца где-то между Большим и Египетским домами. За окном постепенно темнеет. Пора белых ночей еще не пришла.

«Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа

Пора меж волка и собаки... волка и собаки... А мог ли

старший лейтенант Миркин отказаться писать доносы на друзей? – крутится в ее голове. – Тамбовский волк товарищ мой».

Не раздеваясь, Женечка засыпает на старом продавленном диване, доставшемся ей от бабушки тети Тани.

На следующее утро, дождавшись, когда дворники разбрются по участкам с талонами на мусорные баки, а Славик подойдет к ней за заявками, Женечка откинулась на стуле и как можно спокойнее начала продуманную операцию по спасению.

– А у меня интересные новости есть. Вчера тут к нам гэбэшник приходил, предлагал мне стукачкой стать. Доносить на кое-кого из арендаторов. В гости к ним ходить, а заодно разнюхивать. Представляешь?

– Это тот, которого мы на Чернышевского видали? – слегка оторопел от такой откровенности Славик.

– Не-а, другой. Рыжий. В веснушках. Мужики, слышь, вы тут у нас антисоветчину не разводите. Я стучать не собираюсь, но мало ли тут кто бывает. Подслушает ненароком.

В комнате стало тихо. От волнения Женечка не различала лиц, но чувствовала, что все смотрят на нее. Первым от удивления оправился Ванька-Боян.

– Цыпонька ты моя, куда ж тебя понесло-то так? В КГБ попадешь, не воротишься. Про цыпленка песенку знаешь?

– Дык они ее не арестовывают, Вань, ты не понял ни х^{*} я, –

разобралась в ситуации Марьяша.

– Один хрен. Нельзя с ними связываться, – Ваня достал папиросу из кармана, дунул в пустой конец и закурил, чиркнув спичкой.

Услышав сочувствие в голосе водопроводчика, Женя продолжала:

– Вот в какую историю я вляпалась, Ванечка, а в дерьме жить не хочу. Ты у нас челюсти вставные из канализации с Марьяшей вытаскиваешь, а меня никто не вытащит. Самой разгребать приходится.

– Дык челюсть–то мы так и не достали, – подмигнула круглым глазом Марьяша. – Она в Неву уплыла. Слышь, Евгения, может, ты у мужика–то этого, гэбэшника, про Сашку моего узнаешь? Мол, че там ему светит? А?

– Ну што ты мелешь, мать, на хрен ей с ними связываться, – не выдержал Славик. – Сашка твой по уголовной статье идет, а тут дело совсем другое.

– Ладно. Я только так спросила. Че там у нас в журнале? Много заявок? – переменяла тему Марьяша.

Мужики переключились на свои дела, Татьяна взялась за телефон выяснять просрочки по квартплате, а Леля, ради которой все и говорилось, никак не отреагировала на Женечкины слова. Покуривая сигарету, она что–то писала в журнале.

– Ты там не донос строчишь случайно? – голос Женечки слегка дрожал.

– Ну, это уже слишком, Евгения. Ты что, белены с утра объелась?

Леля подскочила из-за стола и, накинув пальто, громко протопала к выходу, хлопнув дверью.

– Игнатова, зайди-ка ко мне, – донесся голос Ольги Павловны.

Скорее всего, ей было не все слышно из того, что говорилось в комнате техников-смотрителей, но последние фразы до нее донеслись.

– Ты чего там расшумелась? – вполне дружелюбно начала она.

Вид у нее, впрочем, был слегка встревоженный. Привычным жестом она показала Женечке на стул.

– А вот, кстати, Ольга Павловна, как это вы в аварийном помещении разрешили чтения всякие устраивать? Народу набилось. Пол под нами ходуном ходил. А вдруг что-нибудь там бы отвалилось да кого-нибудь и пришибло, – пошла вразнос Игнатова.

– Ты клювом-то тут не щелкай, праведница наша, – разозлилась Ольга Павловна. – Мне позвонили и сказали открыть доступ к Чернышевского, 3. Я под козырек: будет сделано, а что я еще могла сказать? Мне до пи*ы дверца, что там и для чего. Сергей Афанасьевич наш куратор. Я еще сама тут техником-смотрителем была, а он уже курировал нашу жилконтору.

В ее рыбьих глазах промелькнуло подобие сочувствия.

– Ладно. Я ему позвоню и скажу, что у тебя истерика. Мол, нервная система неустойчивая, человек ненадежный. Молодая еще, шум подняла.

– И он от меня тогда отвяжется?

– Вот чего не знаю, того не знаю. Эти люди так просто не отвязываются.

– Ольга Павловна, миленькая, – заплакала Женечка, – позвоните. Не могу я его видеть, я отравлюсь, если он ко мне опять придет.

– Сказала – позвоню, значит, позвоню, – закончила разговор Ольга Павловна.

Женечке ничего не оставалось, как подняться со стула и удалиться. Но странное дело, вернувшись к поджидавшей ее Татьяне, она не испытала ничего, кроме безразличия. Ей и страшно–то больше не было. Теперь она и сама могла отказать Сергею Афанасьевичу. И сделать это спокойно и равнодушно. Больше ни о чем говорить не хотелось. Навалились усталость и безразличие.

– Ну–у–у, Игнатова, – разгадала ее состояние Танька. – Тут надо будет выпить. До одиннадцати–то часов дотянешь?

Но выпить на рабочем месте в рабочее время не удалось. Пришлось заниматься какими–то неожиданными делами.

Вечером Рогина пришла на Чайковского с двумя бутылками «Ркацителю». Игнатова достала из холодильника творожный сырок и брусочек сливочного масла. Отварили яйца

вкрутую. Нарезали сайку. Открыли банку с минтаем, расковыряв крышку тупым ножом. Сухое разлили в мамины фужеры. Выпили и тут увидели клопа, ползущего по стенке над головой Татьяны. Женечка с визгом сняла и с хрустом раздавила мерзкое коричневое тельце в кусочке газеты. Пришлось переворачивать и осматривать старый диван. Пара точек красовалась в его деревянном основании. Хлорофосом решили заливать на выходные, до которых было еще три дня. Снова выпили, но почувствовали себя как-то неуютно. Танька начала чесаться, задирать кофточку и искать укусы на теле. Хорошо уже не сиделось. Быстренько допили бутылку, собрали остатки закуски и проходными дворами ломанули к Татьяне на Воинова.

– А я тебе так скажу...

Вторая бутылка «Ркацители» была почти выпита. Голова у Женечки приятно кружилась.

– ...мужиков ненавижу, – вернулась к своей излюбленной теме Татьяна.

Женечка совершенно не могла поддержать разговор в этом направлении. Она не испытывала ненависти ни к одному мужчине. Неприязнь была самым сильным чувством, на которое была способна ее душа. Хотелось говорить совсем о другом.

– Таня, – осторожно начала она, – я когда на коленях у Кирилла Ивановича сидела, ну, он посадил меня, чтобы успоко-

ить. Он не приставал. Честно. Я, знаешь, что-то почувствовала, только не смейся, что-то там подо мной зашевелилось у него. Это что, так должно быть?

Рогоиной потребовалось какое-то время для осмысления сказанного подругой. Но, вопреки ожиданиям Женечки, она не зашлась похабненьким своим смешком, а в изумлении уставилась в ее наивное лицо.

– Так ты что, настолько ничего в этом деле не понимаешь?

– Ну, кое-что я понимаю, – почувствовала себя крайне неловко Женечка.

– Так это хорошо, девонька. Это у него на тебя встал. Проблема, когда не встает, как в анекдоте про бешенного коня. Я ему говорю: стой, а он не стоит. Слышала? Ты как предохраняться-то знаешь? – и сама ответила: – Да откуда тебе знать. Он как тебя это... Ну, как у вас все это дело произойдет, пойди подмойся. Лучше всего с хозяйственным мылом. Оно щелочное, а среда у тебя будет кислая. Поняла? Значит, мылом хозяйственным палец как следует намажь и у себя там все выскреби, чтоб скрипело. А то еще и залетишь с первого раза, дуреха ты наша.

Женечка внимательно прослушала инструкции опытного специалиста. Разговор с Приваловым уплывал все дальше и дальше. Остался вопрос, который она так и не решилась задать: а почему среда у нее будет кислая? Так что, должно быть?

Прошла первая неделя мая, потом вторая. Дворники давно смели сдувшиеся шарики, валяющиеся на тротуарах, а поливочные машины закончили уборку, смыв последние следы праздничных шествий. Женечка подскакивала от каждого телефонного звонка, но ей никто не звонил. «Неужели ему совсем не интересно знать, как у меня и что», – с досадой думала она, поглядывая в сторону Египетского дома. С Лелей приходилось разговаривать, но только по делу, да и то через Татьяну. Все притворялись, что ничего не произошло, но в первый раз за год праздники отмечали порознь. Стараясь как можно меньше сидеть в конторе, Женечка забредала на чердаки, откуда осторожно выглядывала на крышу и любовалась открывающимся видом города. Одинокие прогулки стали ее любимым занятием. Весна набирала силу. Наконец сняли деревянные домики со статуй Летнего сада и теплые дожди омыли их мраморные плечи. «Где ты, гадкий утенок? Когда ты успел превратиться в прекрасного лебедя?» – грустно думала Женечка, следя за величественным скольжением белоснежной пары по поверхности оттаявшего пруда. Ее подружки по техникуму повыскакивали замуж, а она все покупала один билет на последний сеанс в кинотеатр «Спартак», где, хрустя вафельным стаканчиком мороженого, пересмотрела все предложенные шедевры мирового киноискусства. Славик и тот перестал заходить в контору. Отопительный сезон закончился. Теперь он целыми днями торчал в тепло-центрах, делая там какую-то загадочную

для Женечки работу. Однажды она заглянула за обитую железом дверь подвала, где были проложены толстенные трубы с громадными вентилями. На каждом вентиле размером с обеденную тарелку болтались фанерные бирки с непонятным обозначением.

– А что ты делаешь и что это за штука такая? – спросила она Славика, орудующего разводным ключом внутри какой-то железяки.

– Да вот, – Славик шагнул с перевернутого вверх дном ведра, на котором стоял, – сальники собираюсь набивать в задвижку, а то она пропускает. – Он вытер ветошью черные от смазки руки и потянулся за сигаретой, торчащей из кармана рубашки. – Спички есть?

Женечка отрицательно помотала головой:

– Я ж не курю.

– Тогда достань из спецовки. Пожалуйста.

Женечка нашла коробок в повешенной на каком-то кране спецовке. Подойдя вплотную к Славiku и глядя ему в глаза, совсем как в фильме, виденном недавно в «Спартаке», она чиркнула спичкой и поднесла ее к сигарете. Славик прикурил и выпустил дым прямо в лицо Женечке, насмешливо прищурясь.

– А ты че тут забыла? По подвалам одной неча шататься. Сюда всякий народ заходит.

– Так это, значит, задвижки, а я думаю, что это за краны такие громадные, – пропустила мимо ушей предостережение

Женечка, слегка наморщив носик и отмахиваясь от сигаретного облака. – А что они задвигают?

– Они воду перекрывают, техник–смотритель Игнатова. Учи матчасть.

Потный Славик, улыбаясь, стоял возле Игнатовой в расстегнутой почти до пупа рубашке цвета хаки. Если не Аллен Делон, то и не хуже. На свой лад.

– Да ладно, мне просто любопытно. А что ты больше в контору не заходишь?

– А че мне там делать? У меня и здесь работы много.

Славик был довольно опытен в отношениях с женщинами и знал, что показное безразличие – отличный помощник в достижении определенной цели, но все–таки не удержался и спросил:

– А как там твой лысый ухажер?

– Нет у меня никакого ухажера. У меня никого нет.

Такое жалобное признание вполне можно было расценить как предложение к действию. Но Славик, затянувшись пару раз, вернулся к задвижке и сальникам. «Если он сейчас сплюнет или сморкнется в два пальца, я умру», – сказала себе Женечка. Так и не привыкнув к простым манерам водопроводчиков, она с трудом переносила их проявление. Умереть ей не пришлось, но и любовная сцена из зарубежного фильма явно не состоялась. Сглотнув разочарование, Женечка выбралась из подвала. Ей представился наглаженный носовой платок в черных руках Славика. Нелепость, да и

только. Возвращаться в контору не хотелось, все равно там не было никого, с кем можно было бы просто поговорить. В кармане отыскалась горсть монеток, и тут же подвернулась телефонная будка. Две копейки с тихим щелчком провалились в нутро автомата. Сначала пошли короткие гудки. Со второй попытки в телефоне что-то щелкнуло и знакомый голос ответил: «Конечно, приходи».

Краснопольцев был уверен, что разговор снова пойдет о доносах. Поэтому сразу же начал с того, что не хочет каких-то либо осложнений. Ни себе, ни ей. Не знакомы, и все. Тогда все само собой и решится. Женечка или односложно отвечала на вопросы, или отмалчивалась, изредка бросая на него изучающий, словно чего-то ожидающий взгляд. Исчерпав все возможные в таких случаях темы, замолчал и он, занявшись чем-то по работе, надеясь, что ей ничего другого не останется, как распрощаться и уйти.

– А помните, вы как-то сказали, что не сделаете того, чего бы я не хотела? – тихо и некстати спросила Женечка.

Кирилл Иванович с легким удивлением взглянул на нее поверх очков:

– Что, милая?

– Так вот, сейчас я хочу, чтобы вы это сделали.

– Я правильно тебя понимаю?

Сидящая у окна девочка с готовностью кивнула.

– Так, может, пойдём к тебе?

– Нет-нет, у меня там соседи и... клопы.

– Кло–о–пы, – насмешливо потянул Краснопольцев. – Тогда точно не пойдем, но нужно будет дожидаться, когда здесь все разойдутся. Хочешь чего–нибудь выпить?

Снова кивок.

Женечка потихоньку следила за Краснопольцевым. Вот он пошел к каким–то полкам, открыл бутылку вина, передал ей стакан. Стакан грязноватый у самого ободка, похоже, его плохо вымыли. Если повернуть другой стороной, где почище, можно сделать глоток. У вина приятный вкус. Окружающие предметы вдруг проступили с особой четкостью. Дальний угол кабинета оказался забит пустыми бутылками.

– Это Олеговы бутылки. Он за ними приходит раз в месяц. Олег? Олег Григорьев, живет такой детский поэт в Ленинграде. Тоже, кстати, в коммуналке, неподалеку, кажется, на Литейном. Не знаешь?

Откуда–то появилась детская книжка с яркими картинками. Голос Кирилла Ивановича прочитал:

Встаньте с этого дивана,
А не то там будет яма.
Не ходите по ковру —
Вы протрете там дыру.
И не трогайте кровать —
Простынь можете помять.
И не надо шкаф мой трогать —
У вас слишком острый ноготь.
И не надо книги брать —

Их вы можете порвать.

И не стойте на пути...

Ах, не лучше ль вам уйти?

– Правда, чудесно? Это сигнальный экземпляр. Олег нам подарил его за пустые бутылки. А книжка так и не вышла. В последний момент попала к дяде Степе на стол. Михалкову. Он очень возмутился безыдейностью содержания. Велел завернуть уже из типографии. Набор разобрали. Олег запил. Такие вот дела в нашей Поднебесной.

«Книжка, наверное, для внучки, – Женечка перечитала все стишки, продолжая наблюдать за Кириллом Ивановичем. – Разве я его люблю? Ах, не лучше ль мне уйти?» Но никуда при этом не уходила, а время меж тем шло. Заглядывающих в кабинет Краснопольцева становилось все меньше. После восьми вечера все разошлись.

– Иди сюда, – позвал он Женечку.

За боковой дверью оказалась небольшая комната с тахтой, покрытой пятнами сомнительного происхождения. На спинке стула висело полотенце неопрятного вида. Поняв ее замешательство, Кирилл Иванович засуетился, вытащил откуда-то простыню и постелил поверх тахты.

– У меня еще есть одеяло, подожди-ка.

Женечка присела на тахту, сжав руки между острых коленок, проступающих под натянутой юбкой. Еще было не поздно уйти. Но она знала, что останется. «Отдаваться так отда-

ваться», – циничная Танькина интонация пронеслась у нее в голове.

– Так хорошо? – вернувшийся Кирилл Иванович расстелил шерстяное одеяло поверх простыни и стал раздеваться. – Ну, что же ты?

Женечка послушно разделась и легла под одеяло, вытянув руки вдоль туловища. Под животом обнажившегося Краснопольцева выделялось и жило какой–то особой жизнью то, что Женечке предстояло принять в свое тело. Он скинул с нее одеяло и осторожно лег сверху.

– Обними меня хотя бы. Что же такая неласковая? Ноги нужно раздвинуть.

Очки Кирилла Ивановича врезались в Женечкину щеку, пока его руки проделывали какую–то работу между ее ног, закончившуюся болью. Закусив губу, Женечка дождалась, когда капающий отросток вывалился из ее тела, оставив там липкую, тягучую смазку. Она вспомнила свой детский ужас перед глицерином, которым мама смазывала ее обветренные, шершавые руки. В это время раздался нетерпеливый и требовательный звонок телефона. Краснопольцев торопливо соскочил с тахты, явив Женечке голую спину со складками жира, широкий таз и ноги в черных носках. По разговору можно было догадаться, что звонила жена. Ей было обещано скорое возвращение. Женечка слегка пошевелилась и приподнялась. Так и есть. Большое кровавое пятно растеклось по простыне. Вернувшийся Кирилл Иванович немного

смутился, увидев, что Женечка еще лежит. Ему явно нужно было торопиться.

– Там кровь. Я боюсь пошевелиться.

– Ничего–ничего, милая. Вставай, – он протянул ей грязноватое полотенце. – В конце коридора туалет с умывальником. Пойди подмойся.

Женечка встала, зажав полотенце между ног. Крови больше не было. Любви к Кириллу Ивановичу тоже.

Конечно же, Татьяне все стало известно на следующее утро.

– Так а я тебе чего всегда говорила–то? Скоты они. Все до одного.

– Мне знаешь что больше всего противно? – Женечка передернула плечами и уселась спиной к окну, словно Египетский дом был виноват в ее бедах. – Черные носки. Не знаю даже почему.

– Не снял? – хмыкнула Рогина. – Торопился. Ему ж домой надо было бежать. К жене.

– И зачем мне все это было нужно? Был у меня папа Карло, так нет... любовь подавай. А теперь ни папы Карло, ни... Буратино. Осталась Мальвина одна.

– А кто Буратино? Славик, что ли?

Вопрос остался без ответа. В дверях стояла улыбающаяся Лелька с охапкой сирени. Полуподвальная комната наполнилась весенним ароматом.

– Все, девки, я больше так не могу. Давайте выяснять отношения.

– Это откуда же такая красотищ–ща? – оценила букет Таня, поскольку ей–то выяснять было нечего.

– Ночью на студентов была облава в Летнем саду. Костырко заодно там и наломал.

Пока Рогина бегала за вазой и обрезала ветки, не желающие уместиться в узком горле найденной посуды, Леля приступила к объяснениям.

– Моей вины перед тобой, Женя, нет ни в чем. Привалов ко мне с вопросами приставал: кто ты да что ты за человек. Ну, я ему сказала, что ты библиотечный техникум закончила, начитанная.

Женечка подняла лицо и открыто, с каким–то не свойственным ей вызовом смотрела в глаза Лели. Похоже, та и вправду не чувствовала ни малейшей вины.

– И про книгу ты ему не говорила?

– Конечно, нет. Ты что, не понимаешь, что бы с тобой было, скажи я ему, что у тебя запрещенная литература? Я–то сразу поняла, кто тебе дал.

– А про художников откуда Привалов узнал?

– Так он сначала хотел, чтобы я к ним ходила, а Краснопольцев твой меня не приветил. Уж не знаю почему. У тебя–то с ним вроде все в порядке?

Женечка вспыхнула, почувствовав смену Лелькиного тона.

– Ничего у меня с ним не в порядке! И ходить к нему в гости чай пить я не собираюсь.

– Ну и хорошо, – снова сменила тон Леля. – Не люблю я их, да и Кирилл Иванович этот сам хорош, между прочим.

– Как это?

– Да так это. Что я тебе буду рассказывать... За границу ездит? Ездит. А почему, ты думаешь, его за границу пускают?

– Так у него проект в Монголии.

– Да что ты? Вот прямо других, кроме Краснопольцева, не нашлось для этого проекта? У него родственники за границей, между прочим. Он в любой момент в Израиль может свалить, а его все равно пускают. Если тебе это ни о чем не говорит, то мне говорит о многом.

– О чем? О чем тебе это говорит? – перешла на крик Женечка.

– Лучше тебе всего не знать, Цыпочка ты наша. Там они сами стучат друг на друга, по–семейному, и все мирно при этом уживаются. И в тюрьму никого не сажают, обрати внимание.

Женечка оторопело уставилась на подругу.

– Может, я и вправду ничего не знаю. А причем тут Израиль? Он же Кирилл Иванович.

– Так это по отцу, а мать у него еврейка. Так что и он еврей. У него сестра в Тель–Авиве уже два года живет.

– Да у тебя все евреи, – снова вскипела Женечка, – что по

матери, что по отцу. Ну что тебе евреи сделали—то? И чем тебе черножопые жить мешают?

— Не люблю, и все. Вот такая я фашистка.

— Ну че ты мелешь, — вмешалась наконец Таня. — Фашистка нашлась. А это какой же из себя Привалов будет? Плюгавенький такой? Он сюда заглядывал пару раз. Здравовался со мной, но ничего такого не предлагал. Я ему не приглянулась, наверное.

— Перекрестись, — вздохнула Женечка.— Считай, тебе повезло.

Меж тем в контору набились дворники, подросли сантехники. Начался обычный рабочий день. Явился и участковый Костырко.

— Значит, так, народ, — громко и авторитетно сказал он. — На нашем участке замечен чудака на букву «м». Подходит к окнам первого этажа, где невысоко, снимает брюки и хозяйство свое у всех на виду проветривает. При встрече не пугаться, а звать меня или звонить ноль—два.

Народ зашумел. Все стали вспоминать подобные истории. Особенно негодовали дворничихи. Пока обсуждались планы расправы над эксгибиционистом, Костырко пошептался с Лелей, сидел возле Татьяны и, подмигнув перепуганной Женечке, степенно удалился. Где—то через час контора опустела. Так и не выяснив отношения, подхватила и куда—то убежала Леля.

— Видала любовничка?

– Это она к нему побежала?

– А куда ж еще?

Леля вернулась довольно скоро. Женечке было как-то неловко смотреть в ее сторону. Она уже знала, что происходит во время этих коротких свиданий. Теперь она такая же, как ее подруги, сидящие в этой грязной, накуренной комнате с разлапистым букетом сирени на подоконнике. «Ассоли уплыли на алых парусах, а к нашему берегу что? Правильно. Не дерьмо, так щепки», – горькая усмешечка искривила ее рот.

В тот же день эксгибициониста словили на Таврической. Мир вернулся под невысокие своды ЖЭКа. К большому облегчению Женечки, Краснопольцев не звонил и не искал встреч. Завидев его издалека, она успевала нырнуть в ближайшую подворотню. Не появлялся и Привалов. Жизнь потихоньку входила в прежнюю колею. Дворничиха Тракина продала по дешевке Женечке неношеное финское платье. Леля укоротила его и ушила по бокам.

– Игнатова, ты положила немного мяска на свой скелетик, – одобрительно заметила Татьяна, оглядев Женечку в обновке.

Что-то и вправду происходило с телом Игнатовой. Оно не то чтобы располнело, а как-то округлилось. На улице мужчины оценивающе провожали Женечку взглядом, когда она проходила мимо, гордо переставляя кривоватые ноги. В биб-

блиотеке Дзержинского района подошла очередь Игнатовой Евгении Львовны на сборник стихов Ахматовой «Бег времени». Сероглазый король постепенно вытеснял из ее памяти воспоминания, связанные с тахтой в мансарде художников. Переписав почти все стихи в общую тетрадку, Женечка поделилась с подругами мыслями о необходимости вести независимую от мужчин жизнь. Девки купили путевки в Кижы, съездили в Петергоф на открытие фонтанов и после получки стали ходить в шашлычную на Литейном. С поддатými подружками иногда знакомились мужчины. Они допускались в компанию в качестве объектов насмешек, поскольку вписывались в меню шашлычной как «дерьмо или щепки». Разнообразие и насыщенность светской жизни сблизили троицу снова. Размолвки и обиды забылись. Часто они шумно и с хохотом обсуждали в конторе свои совместные приключения, не обращая внимания на присутствующих. Такое пренебрежение задевало Славика. Он мрачнел и, не говоря ни слова, косо поглядывал на веселящихся подружек.

В подтверждение народной приметы после холодной зимы выдалось жаркое лето. Тополинýй пух залетал в открытые настежь окна горожан, пытающихся спастись от духоты. Дневное солнце плавало асфальт и не заходило ночью. Настала странная и тревожная пора белых ночей.

После работы набегавшаяся по жаре Женечка распахивала единственное окно своей комнаты, переодевалась в ста-

ренький мамин халатик и валилась на диван, тупо уставясь в телевизор. Усталость забивала воспоминания о свалившихся на нее разочарованиях и страхах. Тяжелые погодные условия сказались и на зайках. Не выдержав духоты конвейерного цеха, Ирка попала в больницу, по словам Толика, с «сотрясением мазок». Горевал он, как больное животное, забившись в нору своей комнаты и не выходя на кухню. В непривычной тишине Женя засыпала, часто забыв выключить телевизор. Так незаметно прокатились две первые недели лета. В середине июня Ирку выписали из больницы. Одним жарким вечером счастливое воркование воссоединившейся семьи заглушило незнакомые шаги в коридоре. Дверь в Женечкину комнату распахнулась сразу же после короткого стука. Ввалившийся без приглашения Славик тяжело опустился на диван. От неожиданности Женечка залепетала какие-то незначительные слова, торопливо застегивая распахнутый халатик и порываясь поставить чай.

– Не надо, – коротко отказался гость. – Что это у тебя? – показал он на общую тетрадку, лежащую на столике возле дивана.

– Стихи переписала... Ахматовой...

– Ахма-а-а-товой? – с какой-то враждебностью в голосе повторил Славик.

Он полистал тетрадку и прочел:

– Сжала руки под темной вуалью.

Отчего ты сегодня бледна?..

– И не надоело тебе? – Славик откинул тетрадку и посмотрел снизу вверх на Женечку. – А ну, иди сюда.

Своим телом он занимал почти всю комнату. Женечка отступила к двери, но не открыла ее, а только прислонилась. Славику пришлось подняться. Подойдя к Женечке, он сгреб ее в охапку и с треском рванул халатик. В его неотмытых от слесарной работы лапищах она почувствовала себя тростинкой. Тростинка прогнулась, пытаясь освободиться. На пол посыпались пуговицы от халатика. «На монпансье похожи», – как-то некстати пронеслось в голове Женечки. И уже потом, когда над ней нависло раскачивающееся лицо мужчины, обхватив его, она вдруг спросила:

– А ты русский?

– А какой же еще? Молчи сейчас, – обдал ее перегаром Славик.

В конторе довольно скоро выяснили, что Женечка забеременела. Рогина встретила эту новость с негодованием.

– Я тебе как говорила делать? А ты чего ушами хлопала?

– Так там соседи сидели. Мне неудобно было со всем этим на кухню выходить, – оправдывалась Женечка.

– Неудобно ей было... А аборт теперь удобно будет делать?

Женечка вспомнила мамин рассказ о том, что Миркин

не хотел детей. Страшно представить, что ее могло бы и не быть, согласись мама на аборт.

– Я буду рожать, – тихо, но уверенно сказала она, отведя взгляд на любимый Египетский дом. Как ни в чем не бывало фараоны продолжали нести службу, охраняя подъезды.

– Анутин–то хоть знает?

– Вот думаю, говорить ему или не стоит.

Танька задумалась ровно на минуту, а потом взяла и поведала подруге историю своих страданий, связанных со Славиком, да приплела еще и Лельку.

– В общем, перетрахал тут у нас всех баб, и все ему, кобелю, мало, – подытожила Рогина.

Вопрос оказался решенным сам собой. Женечка написала маме в Гремиху. Оттуда пришел ответ с обещанием помощи, правда, небольшой, но зато ежемесячной. «Няньчить меня не жди. В отпуск хочу слетать погреться в Алушту. Очень уж здесь задувает и тоскливо».

«А я и не жду, – подумала Женечка. – Сама рожу, сама и воспитаю. И никто мне не нужен».

Разговор со Славиком был тяжелый, но короткий.

– Мой? – лаконично спросил он.

Женечка молча кивнула.

– Жениться не могу. У меня семья в Дагестане. Двое детей. На алименты подавать будешь?

– Ничего мне от тебя не надо. И алиментов твоих не надо.

Обойдемся, – гордо вскинулась Женечка.

– Не дури! Деньги я тебе давать на ребенка буду. Я же от него не отказываюсь. Хочешь, запишем на меня?

Тут Женечка задумалась.

– Ладно. Дай родить сначала, а там будет видно.

На эту тему в конторе они больше не заговаривали, а к ней домой на Чайковского он не приходил. А вот Ванька–Боян в Цыпочке разочаровался. То ли он осуждал внебрачные связи в принципе, то ли ревновал, что она досталась не ему. Похоже, Ванька обсуждал Женечкино незавидное положение с Марьяшей, которой самой пришлось растить непутевого сына без рано погибшего мужа. Она была искренне привязана ко всем конторским, а про Женечку говорила, что та хоть и еврейка, а девка хорошая.

Беременность меж тем протекала без осложнений. Выставив вперед живот, техник–смотритель Игнатова с легкостью носилась по участку. Огибая Большой дом, она несколько раз сталкивалась с Приваловым. Тот приветливо интересовался ее здоровьем, не вспоминая Краснопольцева. «Неужели отвязался?» – заглядывала в глаза гэбэшнику Женечка. «Обождем пока», – отвечал его взгляд.

Осенью Ольга Павловна посадила Игнатову на прием звонков по телефону, чтобы та меньше бегала по дворам и лестницам. Леля сшила тридцать пеленок из простыней со штампом гостиницы «Волхов». Бог его знает, как эти простыни к ней попали. Никто не спрашивал. Югославские сапоги вы-

клянчила «на понос» Танька. У Женечки опухали ноги, и она все равно не могла их носить. Ну, а потом на смену осени пришла зима. Что можно сказать о зиме, кроме того, что она пришла? Разве что добавить слово «снова». Ребенок уже шевелился в животе Женечки. Электрик Обухович говорила, что это мальчик. У нее были какие-то свои методы определения пола еще не родившихся младенцев. Неопытную Женечку врач-гинеколог обсчитала на три недели. Говорят, они все так делают, чтобы государство меньше платило декретных денег. Почувствовав какое-то недомогание одним воскресным февральским утром, беременная Игнатова решила заскочить в роддом на углу Петра Лаврова и проспекта Чернышевского. Очередь в приемном покое была небольшая.

– Да вы рожаете, гражданочка! – огорошила ее приемная акушерка.

– Как это? Преждевременно, что ли? – удивилась Женечка. – Мне еще три недели ходить до родов.

– Ну прямо три недели! – хмыкнула акушерка. – Я уже вижу голову ребенка.

Пришлось срочно отправляться в палату рожениц. Роды – не самое приятное из того, что выпадает на долю женщины. Одно хорошо, они скоро забываются. Малыш и впрямь оказался мальчиком, но некрупным и с красненьким личиком. В палате, кроме Женечки, лежали еще несколько женщин. На следующий день младенцев разносили на кормление матерям. Женечка и соседняя с ней Бэлла с нетерпением ждали

своих. Заглянувшая в палату санитарка исчезла за дверью.

– Ох ты, еврееныша забыли, – раздался ее голос в коридоре.

У Женечки сжалось сердце. В отчаянии она переглянулась с Бэллой. Через несколько минут дверь открылась и та же санитарка внесла младенца.

– Гуревич кто?

Женечка вздохнула с облегчением. Бэлла прижала к груди своего малыша.

– И не стыдно вам? – с укоризной и возмущением сказала она санитарке.

– Ой, извините, я не по злобе, просто сорвалось с языка, – заизвинялась та. – Там еще мальчишечка остался из вашей палаты. Счас я его перепеленую.

Наконец принесли перевязанный пакетик с ярлычком «Игнатов». Голодный малыш кряхтел и ворочался. Женечка коснулась пальцем его щеки. «Пусть только кто–нибудь скажет, что ты еврееныш, урою на хрен», – с какой–то новой, неизвестной себе злобой

Девушка, реклама, интернет

В этот раз мне досталось место у окна, из которого видны угол 14-й улицы и Восьмой авеню, реклама банка, спины автобусов, помеченные метровыми номерами, юркие желтые пятна городских такси. Время от времени оттуда доносится сирена полицейской или пожарной машины. Идет дождь. Я слежу за струйками, стекающими по стеклу. Еще мне виден светофор. На красный свет поток машин останавливается, уступая дорогу пешеходам под зонтиками. Дети, на что похож раскрытый зонтик? Детям всего мира раскрытый зонтик напоминает гриб. Сегодня первое сентября. День знаний на родине. Кто-то из русских друзей в фейсбуке уже написал: «Просвещение или смерть!» Но здесь, рядом, нет ни одного человека с сантиментами по этому поводу. Все распаковывают коробки, устанавливают мониторы, деловито подключаются. И так каждые полгода. Где-то за неделю до переезда появляется девица с планом этажа в руках. К ней подсказывают менеджеры. Что-то там сверяют. Волнуются только неопытные. Они едва успели расставить книжки по программированию, пригнуться на новом месте, как нужно снова паковать и перемещаться. Через пару переездов всем уже наплевать. Некоторые даже коробки не разбирают. Никто на себе, конечно, столы не таскает. Для этого нанимают здоровенных мужиков-грузчиков. Я уж и не помню, сколько их

тут перебивало за восемь лет. Почему—то все на одно лицо и в одинаковых футболках. Понятия не имею, как их отличают друг от друга, особенно когда они выстраиваются в очередь за бифштексами в нашей кафетерии. У меня всегда такое ощущение, что они пытаются съесть побольше халявного мяса, ну там, на день вперед. Кто бы мне сказал, во сколько обходятся такие переезды с места на место? Ребята, которые копаются рядом, конечно, не знают. Они вообще контрактники из Индии. Откуда им знать. Нас и так осталось четыре человека, не считая менеджера. Он тоже индус, кстати. Опаздывает, как всегда, вернее, преднамеренно не торопится. Не могу смотреть, как они ему стол собирают и сервер Linux подключают при том, что он забыл, когда кодировал в последний раз. Есть в этом что—то подобострастное, если я правильное слово вспомнила. За американцами такого не наблюдается. Помочь — пожалуйста, но чтобы вот так — нет. Я вообще люблю сама все делать. Не знаю почему. Из чувства независимости, наверное. Кое—кто говорит, что гипертрофированного. Возможно. Зато я никому ничего не должна. А вот и первый звонок на новом месте. Мама. Не отвлекай, пожалуйста, у меня много работы, говорю. Это ложь. Абсолютная. Работы никакой. Вообще. А ведь когда—то все было совсем не так. Впрочем, если ударяться в воспоминания, то надо решить, откуда начинать playback¹.

Начну, пожалуй, с себя. А что тут такого? К тридцати го-

¹ Здесь: открутить назад.

дам я поняла, что люди говорят только о себе. Это единственная волнующая их тема. Бывают, правда, варианты. Попадают редкие исключения, которые все же спрашивают, как живешь, как твои дела, но только для того, чтобы незамедлительно переключиться на пересказ дел своих. Другой вариант – тебя вообще не спрашивают. Вопросительная интонация таким людям в принципе не свойственна. В этой группе пока побеждает мамина приятельница из Бруклина, которая умудряется любую тему – от невинного прогноза погоды до ядерных испытаний в Северной Корее – подчинить работе своего кишечника. Мне почему–то всегда неловко говорить о себе, но что–то все–таки сказать придется. Мы с мамой живем в Бронксе. Был с нами и папа. Был, да умер. Переезд из Питера в Бронкс дался ему с трудом. Наверное, его эстетическим чувствам был нанесен непоправимый ущерб, который он так и не смог восполнить. Кто бывал в Бронксе, поймет, о чем я говорю. Они с мамой тридцать лет выступали в Ленинградской областной филармонии. Мама исполняла романсы, папа аккомпанировал на фортепьяно. Она и теперь нет–нет да и запоем: «Летит, летит по небу клин усталый» или «Отцвели уж давно хризантемы в саду», но тут же начинают стучать соседи сверху, и мама смущенно замолкает. Иногда ее приглашают спеть в доме для престарелых. Выступать там она не любит, хотя всегда возвращается с роскошным букетом. Видимо, в ряду слушателей ей видится «промежуток малый», как «будущее место» для нее. Про себя

могу только сказать, что школу я заканчивала тоже здесь, в Бронксе. Не вдаваясь в подробности, замечу, что было это не так уж и страшно. С кое-какими ребятами я дружу до сих пор. Все стремятся отсюда уехать, а я не могу, не оставлять же маму. Здесь хоть кто-то говорит по-русски. Переехать в Бруклин она категорически отказывается. Помню, кто-то из моих наивных друзей-американцев радостно сообщил ей, что ездил в «Маленькую Рашу» на Брайтоне и увидел настоящих русских. У мамы вытянулось лицо, когда я ей это перевела. «Да я сама таких русских не видела, когда в Петербурге жила. Откуда они только понаехали?» – с каким-то несвойственным ей вызовом передернула плечами мама, но попросила перевести что-нибудь вежливое. Короче, мы так и живем в Бронксе. Здесь же я закончила муниципальный колледж. Это что-то наподобие техникума, то есть для совсем неперспективных. Скажем так. Пытаюсь вспомнить, чему я там научилась. Быстро печатать, кажется. Это все. Перед самым окончанием мисс Отиз стала нас готовить к интервью. «Забудьте о джинсах, – первым делом сказала она, похлопывая накладными ресницами. Густые ресницы такой длины носят только в Бронксе. Настоящие нагуталиненные зубные щетки. – Мальчикам – белая рубашка, галстук. Девочкам – тонкие колготки под юбки. Всем – пиджаки». Ну и еще пара таких же деловых советов. И все же я обязана кое-чем этой мисс Отиз. Она позвонила мне уже после окончания колледжа и предложила зайти к ней поболтать по ста-

рой дружбе. Дружбы не было никакой, но такими предложениями не разбрасываются. Мы начали с ритуальных взаимных комплиментов, от которых перешли к вопросам, вернее, спрашивала мисс Отиз, пока я пыталась представить ее лицо без этих ужасных ресниц. Возможно, оно бы мне нравилось больше. Выведав, что я работаю кассиром два часа в день в супермаркете, мисс Отиз перешла к делу:

– Не хочешь попытаться найти настоящую работу, скажем, в банке? Ты умная девочка, у тебя должно получиться.

Что тут сказать? Я кивнула. Тогда мисс Отиз приоткрыла тайну нашей встречи. В Ситибанке есть несколько мест data entry² для выпускников колледжей без опыта работы.

– Ты же быстро печатаешь, да? Это все, что им нужно.

Благодарность подразумевалась сама собой. Получив несколько положенных наставлений и телефон агента по найму, я удалилась.

У агента оказался приятный голос. Он даже обрадовался, узнав, кто дал мне его номер. «Ты про Ситибанк что-нибудь знаешь?» – спрашивает. «Откуда? – думаю. – У меня там даже счета нет», – но сама молчу. «Ладно, – говорит. – С тебя спрос маленький. Выпускница без опыта работы. Веди себя скромно, но уверенно. Обязательно надень пиджак». И еще что-то такое, уже не помню что. Вызов на интервью пришел на следующий день. Я страшно занервничала, даже в библиотеку сбегала, хотела там найти что-нибудь про этот

² Клерк для введения информации в систему.

банк. Не нашла. Википедии тогда еще не было и никакой особой информации в интернете тоже. «Главное – хорошо выглядеть», – сказала мама. Мне кажется, слово «интервью» вводило ее в заблуждение. Как бы там ни было, наглаженная и прилизанная, я пришла на интервью в назначенный час. Меня проводили к даме не только с накладными ресницами, но и с наклеенными ногтями. Дама взглянула мельком на мое резюме и говорит: «Так ты в Бруклине живешь?» Почему–то они все думают, что раз ты русская, так в Бруклине должна жить. Насколько я помню, это был единственный заданный мне вопрос. Потом дама стала говорить о том, какая это честь и радость, но в то же время и большая ответственность – работать в Ситибанке. Я кивала. Так прошло полчаса. Видимо, именно столько времени было отведено на нашу беседу, вернее, монолог дамы. На прощанье она протянула руку, слегка царапнув мою ладонь длинными ногтями. Через два дня я получила по почте большой желтый конверт с договором. «Это начало твоей профессиональной карьеры», – торжественно изрекла мама. Кажется, она потом потихоньку всплакнула.

Уже через неделю, цокая новыми туфельками, я шла по Уолл–стрит мимо Нью–Йоркской фондовой биржи и Федерал–холла к дому сто одиннадцать, занимаемому Ситибанком. Впереди поблескивала Ист–Ривер, позади высился готический шпиль церкви Троицы. Живя в Бронксе, я отвыкла от таких величественных красот. Сердце колотилось в пред-

чувствии чего-то важного. После оформления всевозможных бумажек и знакомства с правилами работы меня отвели на десятый этаж. Grimасу разочарования при виде закуска, где мне предстояло работать, заметила сопровождающая. «Ну, – сказала она, – там в конце коридора есть холл с окнами. Можешь наслаждаться видами во время ланча, а пока почитай инструкции, компьютера у тебя все равно еще нет». Тоска, словом. Телефон только внутренний. Знала бы, книжку принесла почитать или журнальчик. Хорошо, через полчаса еще двух девчонок привели. У корейки Джун Вонг и то лицо вытянулось, когда она свое рабочее место увидела. Зато Кейла Родригес попалась веселая, и с ней мы так расхохотались, что к нам пришел знакомиться Стас Беликофф из соседнего кубикла. Мужчина еще молодой, но уже представительный, с редющим чубом и намечающимся под пиджаком животиком. «Веселитесь, девчонки, – говорит, – пока у вас работы нет». «У нас и телефонов нет, – говорю, – а мне позвонить надо». Уж очень мне хотелось позвонить мисс Отиз. «Так звони с моего», – предложил Стас. Вот что значит коммуникейшн скиллс³. И я позвонила. Мисс Отиз обрадовалась несказанно, даже стало как-то удивительно, что я приношу людям столько позитивных эмоций. «Конечно, обрадовалась, – совсем не удивилась Кейла. Она была гораздо опытней нас с Джун. – Ей куска два агент отвалил за тебя, а уж сколько ему перепало от банка, сказать не могу».

³ Умение общаться с людьми (англ.).

Ну, а потом начались будни, или, как говорят на Брайтоне, пошли «вырванные годы». Это означает, что весь день перед глазами у меня мелькали зеленые цифры на черном экране монитора. Где-то в далеком Чикаго жил стареющий господин мэйнфрейм⁴, который, отдуваясь и пыхтя, проделывал загадочные операции с этими самыми цифрами, сбивая их в огромные файлы. Файлы летели обратно к нам на Уолл-стрит, в кубикл Стаса. Что он там в них видел, я и по сей день не знаю. Иногда он заходил в наш закуток и говорил: «А ну, девчонки, кто из вас напортачил?» И мы долго ковырялись в длиннющих бумажных лентах, пытаюсь понять, какая цифра не попала на экран или встала на место другой. Называлось это введением информации.

И не было на свете ничего сучнее.

Довольно скоро мне надоело ходить на ланч в кафетерий Ситибанка, и я присмотрела «Старбакс» за углом. В теплую погоду служащие всех окрестных офисов выходили на набережную Ист-Ривер со стаканчиками кофе и бутербродами. Отсюда можно было любоваться круизными кораблями у причала, силуэтом Бруклинского моста в отдалении или просто безмятежно болтать. Ближе к зиме подули холодные ветры, набережная опустела. К тому же стало рано темнеть. Теперь я быстренько выбегала на ланч в соседнюю кафешку и вставала в очередь за оживленными девушками в шубках и кроссовках с белыми носочками поверх черных колготок.

⁴ Большой универсальный сервер со значительными ресурсами ввода-вывода.

Прислушиваясь к их болтовне, я думала о том, что, несмотря на все ожидания, жизнь моя почти не изменилась. Среди тысячи окружавших меня людей я чувствовала себя завалившимся зернышком, так и не проросшим в мощное корпоративное тело. Мне было скучно. Иногда, устав от мелькания цифр на экране, я подходила к окну в холле на десятом этаже и подолгу смотрела вниз на бесконечную ленту машин с зажженными фарами, текущую по хайвею вдоль реки.

– Ну все! Мне надоели ваши мрачные физиономии!

Кейла решительно настроилась бороться с моей хандрой и втягивала в эту борьбу Джун, которой, в общем-то, было на все наплевать.

– А что ты предлагаешь? – вяло поинтересовалась я.

И Кейла потащила нас на аэробику, благо за это не надо было платить. Теперь два раза в неделю после работы мы передевались в трико и кроссовки и спускались в просторную комнату на восьмом этаже, где под самбу повторяли за инструктором замысловатые движения перед зеркалом. Тогда, глядя на непроницаемое лицо Джун, с которым она проделывала несвойственные ее худенькому тельцу вращения тазом, и Кейлу, состоящую из вогнутостей, органично переливающихся в выпуклости, я, наверное, поняла, что такое мультикультурализм.

Заметное оживление стало наблюдаться и вокруг нашего закутка. Время от времени этаж почти пустел: сотрудники

собирались на таинственные совещания, откуда возвращались, что-то оживленно обсуждая.

– Большие дела задуманы, большие дела, – сказал как-то Стас, склоняясь надо мною и следя за мельканием цифр на мониторе. – Детка, ты работаешь в разбухшей корпорации, которая все больше разбухает и разбухает... Знаешь, чем это все однажды кончится...

До меня донесся запах алкоголя. Он все чаще стал приезжать во второй половине дня, ссылаясь на всевозможные причины. Прошел то ли месяц, то ли два. Не помню. Наконец волнение моря серо-синих пиджаков докатилось и до нас: по имейлу пришло письмо о слиянии Ситибанка со страховой корпорацией «Трэвэлсерс». С этого дня мы стали работать в самой крупной финансовой компании мира. Нам раздали красные зонтики, бренд «Трэвэлсерс». Кто-то придумал подрисовать красную дугу над буквой «т» в логотипе Ситибанка. Получилось красиво. Потом последовал праздничный банкет с шампанским. Все возбужденно говорили о взлете наших акций на фондовом рынке. Кейла мечтала о домике в Апстейте, Джун загадочно улыбалась, а я решила под шумок сбежать домой. В полумраке закутка без пиджака и галстука сидел Стас. Судя по всему, он пил не только шампанское. Я остановилась в нерешительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.